

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт славяноведения и балканистики

СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ
ФЕОДАЛИЗМА.

Москва 1989

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт славяноведения и балканистики

СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ
ФЕОДАЛИЗМА.

/Сборник тезисов/

Москва
"Наука"
Главная редакция восточной литературы
1989

Рассматриваются различные аспекты международных отношений славян с соседними странами и народами в древности в эпоху раннего и развитого феодализма.

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я:

Член-корреспондент АН СССР Г.Г.Литаврин (отв.редактор),
доктор исторических наук Б.Н.Флоря, кандидат исторических
наук А.И.Рогов, кандидат исторических наук Л.В.Заборовский
(отв.секретарь), Н.С.Захарьина

ВВЕДЕНИЕ

При подготовке первой конференции по теме "Славяне и их соседи", проведенной в марте 1988 г., ее организаторы выдвинули план проведения в рамках изучения темы ряда конференций, посвященных, как отдельным сторонам контактов между славянами и соседними народами, так и отдельным периодам в истории этих взаимоотношений.

Как определенный шаг в исполнении этого замысла и следует рассматривать созыв данной конференции, посвященной истории международных отношений между славянскими государствами и их соседями на протяжении всей эпохи феодализма - от IX-X вв. до ХУП в. Выбор этой темы связан с тем, что изучение международных отношений имеет за собой в советской историографии уже весьма устойчивую традицию, а проблематика разработана более тщательно, чем это имеет место по отношению к иным сферам общения, таким как экономические и культурные связи, этнические контакты. Вместе с тем налицо необходимость углубления изучения уже традиционных сюжетов межгосударственных отношений путем большего раскрытия взаимосвязи между внешними отношениями и внутренним развитием, за счет выявления взаимодействия между событиями международных отношений, характером межгосударственного общения и развитием общественной мысли и идеологии в отдельных странах.

Публикуемые тезисы отражают все многообразие исследований данной проблематики: здесь и конкретные исследования отдельных эпизодов в истории международных отношений, и обзоры источников, и постановка более общих вопросов о значении тех или иных крупных событий, о причинах изменений системы международных отношений в тот или иной период, наконец, имеют место и целостные характеристики отдельных исторических периодов.

Особо следует выделить группу докладов, где развитие международных отношений рассматривается в связи с характером культурных связей, особенностями развития общественной жизни и идеологии (доклады С. Иванова, Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина и др.)

Следует отметить доклады, в которых с разных сторон рассматривается система международных отношений в Вост. Европе в середине-втор. пол. 17 в. - свидетельство сохранения устойчивого интереса нашей научной общественности к этой важной, но до сих пор недостаточно исследованной теме.

Г. Г. ЛИТАВРИН

МЕНАНДР ПРОТЕКТОР ОБ ОТНОШЕНИЯХ СЛАВЯН С
АВАРАМИ В КОНЦЕ VI В.

1. Возвратиться к свидетельствам Менандра об отношениях славян с аварами побуждает возобновившийся в последние годы в историографии спор: согласно заключению одних исследователей, известия Менандра позволяют сделать вывод о подчинении аварами в 70-х годах VI в. славянского населения левобережья Нижнего Дуная; согласно мнению других, данные Менандра не дают достаточных оснований для такого вывода.

2. Анализ известия Менандра, в сопоставлении с показаниями других источников (Агафий Миринейский, Маврикий, Феофилакт Симокатта, "Чудеса св. Димитрия" и др.), убеждает в том, что более обоснованно заключение второй группы исследователей: во второй половине VI - начале VII в. славяне левобережья нижнего Дуная не были зависимы от Аварского хаганата, несмотря на опустошительное нашествие аваров в этот регион в 578/579 гг.

3. В славянском обществе данного региона в указанный период ускорился процесс разложения родоплеменного строя: формирующемуся высшему социальному строю была присуща сложная иерархическая структура; вождь племени (или союза племен) постепенно обретал право распоряжаться общественным материальным фондом, подвластного вождю племенного объединения.

С. А. ИВАНОВ

РОЛЬ ХРИСТИАНИЗАЦИИ В ОТНОШЕНИЯХ ВИЗАНТИИ
СО СЛАВЯНАМИ

Христианский характер духовности, воспринятой славянами от Византии, бросает отсвет и на византийско-славянские от-

ношения в целом. Невольно кажется, будто "греки" и сами видели свой первейший долг в том, чтобы обучить "варваров"—соседей азбуке, искусствам, православию. Попробуем выяснить, какое значение в действительности придавали византийцы своему культуртрегерству.

Естественнее всего было начать христианизацию со славян, живших на юге Балканского полуострова, в пределах самой Византии. Однако они были крещены не раньше 2 пол. IX в., и вот как описывает Лев VI благодеяния, оказанные славянам императором Василием I: "...убедил их отказаться от древних обычаев, и огречил, и подчинил архонтам по ромейскому образцу, и почтил крещением, и освободил от услужения собственным архонтам, и научил ходить в поход против враждебных ромеям народов" (Тактика, § 101). Как видим, крещение теряется в ряду других цивилизаторских мероприятий.

Когда Константин УП рассказывает об отпадении от империи западной части Балкан, он пишет: "Тамошние народы, хорваты, сербы... также взбунтовались против царства ромеев, оказались независимыми и самовластными, никому не подчиненными. Архонтов же, как говорят, эти народы не имели, кроме старцев-жупанов, как это в правилах и в прочих Славиниях. Помимо этого, большинство этих славян не было крещено" (Адм., § 29). Христианство и тут является лишь сопутствующим обстоятельством, поэтому неудивительно, что дальше в тексте речь о том, что инициатива крещения этих народов исходила от них самих. То же было и с болгарами (что не мешало греческим авторам писать о христианизации Болгарии как о ее подчинении Византии). Почти наверняка не принимали византийцы участия и в обращении Великой Моравии: раннецерковная архитектура там практически не обнаруживает константинопольских влияний, а "греки", упоминаемые в известном письме Ростислава — это либо далматинцы, либо кельты.

Большое внимание исследователей привлекает краткий эпизод с крещением части руссов после 860 г. (хотя ни в IX, ни в X в. Русь не фигурирует в епархиальных списках, и для авторов X в. русские — язычники). Многократно указывалось и на то, что Фотий немедленно зачислил неофитов в "подданные"

империи, ибо религиозная и политическая лояльность были для него неразделимы. Нам же сейчас интересно, какое место занимает христианизация в иерархии византийских ценностей. Вот что сказано в жизнеописании Василия I: "И народ россов... посредством щедрых раздач золота, серебра и шелковых одежд он привлек к переговорам, заключил с ними мирный договор, убедил их сделаться участниками спасительного крещения" (§ 97). Опять крещение на вторых ролях.

Два события, оказавших грандиозное влияние на судьбу славянских народов – моравская миссия и подлинное крещение Руси – оба имеют самое непосредственное отношение к Византии. Тем не менее, как это ни поразительно, ни один греческий источник не сообщает ни о том, ни о другом предприятии. Уже одно это должно наглядно продемонстрировать нам, насколько непохожими на современные были оценки той эпохи. Великая Моравия находилась далеко, и Константинополь не связывал с нею конкретных политических планов. Поездка Кирилла и Мефодия лишена была дипломатической подоплеки – именно поэтому она и не вызвала ни малейшего отклика в Византии. То же и с крещением Руси – оно расширяло домен православия разом чуть ли не вдвое, но это не производило на греков того впечатления, какого мы бы ожидали, поскольку новокрещенная страна находилась вне исторических границ Римской империи и вне возможностей прямого политического контроля.

Итак, можно утверждать, что христианизация играла вспомогательную роль в славянской политике Константинополя. Этот тезис уже выдвигался в науке, но, пожалуй, никогда не доводился до логических последствий, а именно, что в отсутствие политического интереса чахло и миссионерство. Разумеется, через купцов, пленных, наемников информация о греческой вере и интерес к ней распространялись в славянском мире. Разумеется, Византия крестила и учила, когда ее об этом просили. Но вот самостоятельной инициативы по обращению языческих народов, не входивших в сферу непосредственных военно-дипломатических интересов империи византийская церковь не проявляла. Так что полнейшее отсутствие всяких указаний на

независимую миссионерскую деятельность среди славяно-греческого монашества следует объяснять не скудостью наших источников, но слабостью самой миссии. Попытки исследователей постулировать ее строятся на модернизаторских предпосылках и аналогии с западной церковью. Византийская иерархия распространяла веру только сверху вниз и только как часть межгосударственных отношений. Не исключено, что именно поэтому православная церковь проиграла своим конкурентам соперничество за Хорватию, Моравию, Венгрию, Хазарию, а на короткое время — даже за соседствующую с Константинополем Болгарию.

Т.М.КАЛИНИНА

АРАБСКИЕ ГЕОГРАФЫ IX в. О СЛАВЯНАХ

1. Расцвет арабоязычной литературы о строении земли и о населяющих "обитаемую часть" земли и ее "климаты" народах приходится на IX в. Упоминания этнонима "славяне" ("ас-сакалиба", "ас-сакалаб", "ас-саклабийа") встречаются в трудах математиков, астрономов и географов в перечне народов и населенных пунктов. Так, в астрономическом трактате ал-Фергани славяне встречаются в описании седьмого климата и земель за пределами климатов как соседящие с бурджанами и примыкающие к землям, граничащим с Западным морем, т.е. Атлантикой, куда арабы включали все воды, омывающие запад и север Европы. Бурджаны в этом описании названы рядом с Константинополем и Средиземным морем, что позволяет видеть в этом этнониме придунайских болгар. Славяне в таком случае являются здесь обитателями Западной Европы. Следует отметить, что описание климатов, приведенное у ал-Фергани, встречается также у арабских ученых X в. Ибн Русте, Мутаххара ибн Тахира ал-Мукаддаси, Агапия Манбиджского.

2. В географическом сочинении "Книга картины Земли" крупного астронома и математика Мухаммеда ибн Мусы ал-Хорезми этноним "славяне" встречается при описании центров стран, необходимых для построения карты. Как известно, труд ал-Хорезми являл собой переработку "Географического руководства" Клавдия Птоломея, вследствие чего материалы произведения

Птолемае вошли в значительной части в книгу ал-Хорезми. Так, новым содержанием наполнен птолемеевский термин "Германия", который у ал-Хорезми значитя как земля славян. Не следует буквально воспринимать указанную информацию ал-Хорезми, но координаты для указанного пункта (а он дает координаты только центра этой земли) указывают на Западную Европу. Материалы книги ал-Хорезми не получили распространения в дальнейшем, однако переписчик труда ал-Хорезми Сухраб, работавший в первые годы X в., дополнил в некоторых частях свой первоисточник, и в частности, кроме того же центра страны славян - Германии, указал еще координаты для города славян Германии и горы славян, не встречающиеся в сочинении ал-Хорезми. Координаты Сухраба указывают местности на северо-западе или западе Европы.

3. Первый представитель иной географической школы у арабов - описательной географии и географии типа итинерариев - Ибн Хордадбех называл этноним славян в связи с описанием двух регионов - запада (Магриба) и севера (ал-Джарби) обитаемого мира. В западной части страны славян упомянуты как находившиеся севернее Испании, вместе с византийцами, бурджанами и аvaraми. В этом же разделе рассказано о несудоходном море "позади славян", в котором располагался город Туле. Усматривая в такой информации определенные reminiscences античной географии, следует полагать, что Ибн Хордадбех передает сведения о западнославянских государственных образованиях, придунайской Болгарии и Аварском каганате, восходящие к VII-VIII вв. Второе упоминание славян и авар встречается при описании северной части обитаемой земли, где названы также земли Закавказья, Прикаспия, хазар и алан. Здесь же приведено описание реки, текущей из страны славян и впадающей в море Джурджана, которую исследователи отождествляют с Волгой или Доном, но соотносить которую следует с собирательным образом водной артерии Восточной Европы под античным названием Танаис (точнее, Танис - в арабском варианте). Соответственно в описании севера Ибн Хордадбех ведет речь о восточных славянах. Упоминание имени авар здесь может быть объяснено как устоявшимся литературным стереотипом, так и отголосками реалий.

4. Ибн ал-Факих, географ, работавший в самом начале X в. и опиравшийся в значительной части на сведения книги Ибн Хордабеха, по-иному осмысливает его информацию и передает дополнительную о христианстве славян и о делении их на два вида: прибрежных, смуглых и континентальных, светлых. Есть основания полагать, что Ибн ал-Факих говорит о населении Адриатики. В то же время его известия о "море славян" в контексте общих представлений дает основание полагать, что речь идет о Балтике и, возможно, западных славянах.

5. Ранние известия о славянах имеют характер простых упоминаний этнонима, но даже слабая конкретизация их заставляет соотносить информацию с теми славянскими государственными образованиями, что были известны по их связи с Византией, придунайской Болгарией в первую очередь. Затем сведения соотносятся с восточными славянами - по мере узнавания арабами торговых путей. Позднее данные о славянах приобретают более конкретный характер.

Е.А.МЕЛЬНИКОВА, В.Я.ПЕТРУХИН

"РЯД" ЛЕГЕНДЫ О ПРИЗВАНИИ ВАРЯГОВ В КОНТЕКСТЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ДИПЛОМАТИИ

1. В последние десятилетия в историографии утвердилось мнение Д.С.Лихачева о фольклорном оформлении предания о призвании варяжских князей (1970). В.Т.Пашуто отметил вероятную достоверность той части исторической информации в легенде, которая содержит древнерусскую правовую лексику - "ряд", "право", - отражающую условия, на которых славянская и финская знать пригласила скандинавского конунга (конунгов) на правление (1965, 1970). Существуют возможности дальнейшего исследования процедуры "призвания" и содержания "ряда" как путем анализа сообщений Повести Временных лет (ПВЛ) о договорах Руси, о регулировании отношений с варягами, так и при посредстве сопоставления практики договоров со скандинавскими конунгами в Англии и Франции.

2. Основное содержание "ряда" по ПВЛ сводится к следующему: А) "ряд" заключается представителями (знатью) нескольких славянских и финских племен (верхушкой новгородской межплеменной конфедерации) с предводителями военного отряда;

Б) "ряд" предусматривает передачу им верховной власти ("владения") на территории, занимаемой этими племенами; В) "владение" приглашаемых князей ограничивается условием "судить по праву", т.е. руководствоваться сложившимися в местном обществе правовыми нормами; Г) по условиям "ряда" варяжские князья первоначально салятся в городах - центрах славянской колонизации на Северо-Западе (Ладога, Новгород, Изборск, Белоозеро).

3. Для дальнейшей реконструкции "ряда" существенным представляется наличие в тексте легенды параллелей с договорами Руси и греков. Согласно легенде, призванные князья берут с собой дружину, которая именуется "вся русь". Это выражение, вопреки А.А. Шахматову, нельзя признать искусственным, т.к. от имени "всей руси" заключаются договоры Олега (911 г.) и Святослава (971 г.). Кроме того, из сообщения Константина Багрянородного (Об управлении государством, гл. 9) следует, что при Игоре (40-е гг. X в.) "все росы" собирали полюдье и кормились у своих пактиотов - славян: термин "пактиоты", видимо, означал не просто данников, но плативших дань по договору ("пакту" - "ряду") с князем и дружиной ("все росы"). Нарушение Игорем этого договора (по А.П.Новосельцеву) привело к расправе с ним древлян.

4. Регулирование славяно-варяжских отношений отмечается в ПВД, помимо "легенды о призвании", при Олеге (882, 907 гг.), Игоре (941 г.), Владимире (980, 1014 гг.), Ярославле (1015, 1018 гг.). Все эти случаи касаются взаимоотношений правителя Древнерусского государства или Новгородской земли с наемным отрядом варягов, пришедшим или приглашенным для службы в дружине князя или для участия в определенном походе. Основным моментом этих отношений является выплата определенных сумм дружинникам-варягам, регулярная или разовая (вопрос об оплате является главным и в договоре Ярослава с Эймундом, согласно "Саге об Эймунде").

5. Целью договоров короля Англии Альфреда Великого с предводителем датского войска Гутрумом (880-е - 890-е гг.) и французских королей Карла III Простого и Рудольфа с Роллоном (911, 924, 933 гг.) являлось установление мирных отношений с отрядами викингов, захвативших часть территории соот-

ветствующих государств. Поэтому, с учетом сложившихся в Англии и Франции дипломатических норм, письменные договоры содержат статьи, определяющие: а) прекращение военных действий; б) границы территории расселения норманов (Денло в Англии, Нормандия во Франции); в) принятие христианства скандинавами; г) права скандинавского правителя и правовое регулирование отношений англо-саксонского и датского населения в Денло.

6. Сопоставление этих близких, хотя и не идентичных по своим задачам и оформлению договоров с "рядом" варяжской легенды позволяет предположить реальность последнего (очевидно, "ряд" дошел до составителя ПВЛ в устной традиции) и дополнить его содержание несколькими пунктами. "Ряд" должен был включать условия содержания и обеспечения варягов, князя и его дружины. Вероятно, в "ряде" отмечалась и обязанность отражать набеги викингов (по аналогии с договором 911 г. с Роллоном): не случайно до конца XII в. есть только одно известие о нападении норманов на Ладогу. Не исключено, что "ряд" содержал и определение территории, подвластной приглашаемому князю. Находясь в русле европейской дипломатической практики, "ряд" безусловно имел истоки в собственно древнерусской вечаевой (В.Л.Янин, 1982) традиции и отражал специфику местного исторического развития.

И. П. ШАСКОЛЬСКИЙ

РУСЬ И ПЛЕМЕНА СЕВЕРА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (IX - XIV вв.)

1. Расселяясь по восточноевропейской равнине, восточные славяне в VIII в. достигли Приладожья, где впервые вступили в контакт с племенами, жившими на огромных пространствах европейского Севера. В IX-X вв., в период формирования Древнерусского государства, началось проникновение восточных славян (их северной группы, словен ильменских - новгородских) на просторы Севера, слабо населенные местными жителями.

2. В X-XIV вв., после формирования Древнерусского государства, новгородцы подчинили себе весь север Восточной Европы до Белого моря, Ледовитого океана, уральских гор и даже до Приобья. Подчинение северных племен велось в основном

мирными средствами, путем соглашений с местной племенной знатью. Новгородцы сохраняли в подчиненных землях исконный племенной строй, ограничиваясь регулярным сбором дани.

3. Вероятно, первым северным племенем, с которым вступили в контакт словене, была лопь (лопари, саамы), жившая редкими и небольшими племенными группами в I тыс. н.э. на территории от Финского залива и южного Приладожья до Ледовитого океана на севере и до Белого моря на востоке, включая Финляндию, Карелию и Кольский полуостров. Но наши летописи о ранних контактах молчат.

4. Движение новгородцев на северо-запад, к Ботническому заливу, проходило через земли карел, на северо-восток, к Белому морю, проходило через земли веси, вошедшие в состав Древнерусского государства. Племя карел, жившее в северо-западном Приладожье и юго-восточной Финляндии, вошло с X-XI вв. в состав Древнерусского государства и в последующее время активно осуществляло политику этого государства в проникновении на Север; карелами в XIII в. были освоены и подчинены Новгороду просторы северных лесов до северных берегов Ботнического и до берегов Ледовитого океана (включая Кольский полуостров).

5. Основное движение новгородцев на север шло через земли веси к Белому морю, к берегам Северной Двины, где жила загадочная для нас в этническом плане заволочская чужь. Подвинье стало заселяться русскими в X-XI в. Из Подвинья русская власть распространилась в XI-XII вв. на западный и северный берега Белого моря, заселенные тогда лопью; из Подвинья же русские дошли еще в XI в. до Уральских гор, начав распространять сбор дани на племена коми и вступив в контакт с самоядь (ненцами) и юргой (предки современных хантов и манси).

6. В XII-XIV вв. подвластность Новгороду прочно распространилась на племена коми (летописные пермь и печера), чужь заволочскую, лопь северной Карелии и Кольского полуострова. Новгородские данники - карелы - в XIII-XIV вв. владели северной Финляндией и стремились овладеть заселенным лопью Финмаркеном. В XIV в., а может быть - и ранее, новгородские данники уже собирали дань и югры в Приуралье и за Уралом.

7. Оседлое русское население к I4 в. имелось на Севере лишь в Подвинье и на южном и западном берегах Белого моря. С остальных областей Севера новгородцами лишь собиралась дань. Но все племена стали испытывать хозяйственное и культурное влияние русских земель.

О. В. ИВАНОВА

ВОССТАНИЕ 930 г. В БОЛГАРИИ И БОЛГАРО- ВИЗАНТИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Изменения внешнеполитического курса Болгарии с приходом к власти Петра и заключение им мира с Византией в 927 г. не только не привели к стабилизации внутренней обстановки в стране, но и обострили ее. Сближение с Византией и значительные территориальные уступки, сделанные Петром при заключении мира, вызвали недовольство определенных правящих кругов Болгарии. Оппозиция незамедлительно выдвинула новых претендентов на престол — братьев царя Ивана и Михаила, причем движение старшего брата Михаила в 930 г. представляло серьезную опасность и только его внезапная смерть избавила страну от внутренней войны. Только два византийских автора дают об этом восстании краткую информацию, которая, на наш взгляд, требует дополнительной интерпретации. Возникает несколько вопросов.

Первый связан с характером движения. В историографии уже отмечалось, что, если Иван был выдвинут небольшой группой заговорщиков, то Михаилу удалось поднять население целой области. После его смерти восставшие оставили свои земли и проделали значительный путь от Струмы до Южн. Эпира, где поселились в районе Никополя. Можно полагать, что речь идет о жителях района к востоку от Струмы. Продолжатель Феофана говорит о "кифах", которые отделились от власти Петра". Скилица называет их болгарами. Предположение В. Златарского, что Михаил поднял потомков протоболгар Кувера, следует отвергнуть. В восстании видимо участвовала компактная группа славян присоединенной Симеоном территории. Их недовольство является продолжением волнений населения приграничных областей 20-х гг. X в.

Что побудило восставших проделать столь длительный путь, особенно тяжелый, т. к. речь идет о движении населения? Главное, несомненно, — желание уйти подальше от болгарских границ, которые, можно полагать, при Петре остались в пределах договора 904 г., а следовательно на юго-западе доходили почти до Греции. Кроме того, справедливо опасаясь византийского войска они хотели найти отдаленное и спокойное место для поселения. Таким им, видимо, представлялся Южн. Эпир, где уже было какое-то славянское население, на которое они могли, возможно, опереться.

Наконец, представляется важным и вопрос об отношении империи к болгарам-переселенцам. Известно, что всякие внутренние волнения в Болгарии при Симеоне и Петре Византия стремилась использовать в своих интересах. Именно поэтому еще в 20-х гг. X в. империя приняла около 20 тыс. беженцев из Болгарии, определив им места поселения, окружила почестями мятежного Ивана, предварительно хитростью выманив его в Константинополь, и т.д. Однако самовольное движение значительной группы почти через всю Грецию и насильственный захват ею земель представляло угрозу дестабилизировать обстановку в районе, и должно было насторожить византийское правительство (еще недавно волнения славян в Южной Македонии доставили ему немало тревог). Согласно Скилице, беженцы из Болгарии "позже, когда они по отдельности были побеждены, они стали подданными ромеев". Известны и другие случаи, когда Византия не изгоняла болгар с земель, ими захваченных, а превращала их в своих подданных и налогоплательщиков. В конце 50-х - начале 60-х гг. X в. правительство специальным указом давало компенсацию жителям Халкидики за захваченные болгарями-переселенцами земли.

А. В. ГОРИЗОНТОВА

ВЕНГРЫ И ПОЛАБСКИЕ СЛАВЯНЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ X в.

Взаимоотношения полабских славян и венгров в период венгерских походов в Западную Европу слабо освещены в источниках. По существу, о наличии подобных связей свидетельствуют лишь несколько эпизодов из "Деяний саксов" Видукинда Корвейского. Этот автор указывает, что в 906 г. сорбское племя гломачей (доленчан), "не будучи в состоянии выдержать натиск (саксонского герцога Генриха), призвало против него авар, которых мы называем венграми" (I, 17). Почти тридцать лет спустя, в 933 г., славяне расторгли дружественные отношения с венграми, пожелавшими вновь пройти через их земли в Саксонию (I, 38).

Несмотря на ограниченность источниковой базы, проблема венгеро-славянских отношений в период походов часто привлекала внимание историков-славистов, поскольку ее изучение необходимо для воссоздания возможно более полной картины международного положения полабских славян в это время. Кроме того, в литературе высказывалось предположение о существова-

нии до 927 г. более широкой коалиции с участием гломачей, чехов и венгров. В то же время значение этих связей для венгров нередко оставалось вне поля зрения исследователей.

Как для венгров, так и для гломачей их взаимные связи играли подчиненную роль в контексте отношений с Германией. Если для славян военная помощь венгерских отрядов могла способствовать стабилизации их внешнеполитического положения, то для венгров союз с гломачами открывал лишь одно из направлений возможных походов в германские земли — на Саксонию. В то же время, в начале X в. Саксония, по всей видимости, не представляла принципиального интереса для вождей венгерских отрядов: собранные воедино, все сведения источников о походах в Германию позволяют предположить, что помимо взаимоотношений с Баварским герцогством, одинаково интенсивных почти на всем протяжении эпохи походов на Запад (с конца IX в. до 955 г.), основное направление набегов менялось в зависимости от того, представитель какого племенного герцогства приходил к власти в немецком королевстве. Так, при Конраде I (912–919) венгров особенно привлекала Франкония, и возможности, открывавшиеся благодаря дружественным отношениям с гломачами, в этот период почти не использовались.

Ситуация изменилась с приходом к власти основателя Саксонской династии Генриха I (919–936), когда саксонское направление приобретает для предводителей венгерских отрядов большое значение. В этих условиях связи с гломачами, очевидно, способствовали успеху походов 919 и 924 (922?) гг. Хотя прямых указаний на характер взаимоотношений венгров со славянами в этот период нет, известно, что и в 919, и в 924 гг. венгерские войска нападали на Саксонию с востока. Рассказывая о более поздних событиях (933 г.) Видукинд писал, что венгры, "проходя через земли доленчан, потребовали помощи от старых друзей" (I,38). По всей видимости, здесь имеется в виду не только относительно давний эпизод 906 г., но и содействие славян во время последующих венгерских походов. О характере этой помощи также можно судить на основе сообщения Видукинда: не оказывая, видимо, непосредственной военной поддержки венграм, гломачи пропускали их через свою территорию и позволяли венгерским отрядам отдыхать у себя. В том

же источнике есть эпизод, относящийся к 938 г., когда некий славянин хитростью завел часть венгерского войска в трудно-проходимую местность (II,14). Можно предположить, что и ранее, причем, вероятно, с большим успехом, венгры прибегали к услугам проводников из числа славян.

Принципиальное значение для дальнейших взаимоотношений венгров с племенем гломачей имели годы 9-летнего перемирия, заключенного Генрихом в 924 г. Его успешные военные акции против гломачей и чехов в 927 г. в значительной степени обезопасили восточную границу Саксонии и заставили сорбское племя расторгнуть отношения с венграми. Это означало, что, хотя традиционный путь подхода венгерских отрядов к Саксонии пока еще не был полностью перекрыт, они уже не могли рассчитывать на помощь прежних союзников. Ситуация могла бы измениться в случае успеха похода 933 г., однако венгры потерпели поражение от Генриха в битве при Риаде.

После этого события попытки возобновления дружественных отношений, по всей видимости, не предпринимались, и в борьбе с Оттоном I венгерские войска пользовались более трудным путем для подхода к его родовым владениям – через другие германские земли (походы 936/37 и 938 гг.). В совокупности с другими причинами военного, внутри- и внешнеполитического характера разрыв дружественных отношений со славянами, последовавший в результате успешных действий Генриха I в 927 и 933 гг., обусловил окончательное поражение венгров в борьбе с Германией в 955 г.

Т.Н.ДЖАКСОН

ПОХОД ЯРЛА СВЕЙНА ПО ВОСТОЧНОМУ ПУТИ
(ИЗ ИСТОРИИ СКАНДИНАВО-КАРЕЛО-РУССКИХ СВЯЗЕЙ НАЧАЛА XI в.)

Древнескандинавские источники – "История о древних норвежских королях" монаха Теодорика (II77-II80 гг.), "Обзор саг о норвежских конунгах" (ок. II90 г.), "Легендарная сага об Олаве Святом" (нач. XIII в.), "Красивая кожа" (ок. I220 г.), три редакции "Отдельной саги об Олаве Святом" Снорри Стурлусона (между I220 и I230 гг.), "Хеймскрингла" Снорри Стурлусона (ок. I230 г.), "Большая сага об Олаве, сыне Трюггви"

(ок.1300 г.) – содержат сведения о битве у Несьяра весной 1015 г. (по хронологии, восстанавливаемой для "Хеймскринглы") между конунгом Олавом, сыном Харальда, ставшим с этого года единовластным правителем Норвегии, и ярлом Свейном, сыном Хакона, вынужденным после поражения покинуть Норвегию. Найдя убежище в Швеции, ярл Свейн отправился затем в поход на Восток.

Куда направился тогда ярл Свейн ? На первый взгляд, в источниках царит известная разнобой: "История" Теодорика и "Обзор" говорят о Руси, "Легендарная сага" – о "Восточных путях", "Красивая кожа" – о "Восточном государстве", "Хеймскрингла", "Отдельная сага" Снорри и "Большая сага" – о "Восточном пути". И все же эти топонимы не противоречат один другому. Действительно, древнескандинавская топонимия с корнем *aust* – претерпевала последовательное сужение своего значения: в рунических надписях и скальдических стихах этими топонимами обозначались любые территории, лежащие к востоку от Скандинавии (Восточная Прибалтика и Беломорье, Русь, Италия, и Византия), в ранних королевских сагах – территории по пути "из варяг в греки" (без Византии, чаще – только Русь), в поздних королевских сагах ("Красивая кожа", "Хеймскрингла") – восточноприбалтийские земли (Т.Н.Джаксон, 1988). Однако эти наблюдения справедливы лишь по отношению к оригинальным текстам, тогда же, как в данном случае, когда в основе лежит сообщение более раннего источника, не всегда происходит переосмысление каждого топонима исходного текста. Таким образом, "Восточные пути" "Легендарной саги" вполне могут быть обозначением только Руси (вместо *Ruscia* Теодорика и *Garðar* "Обзора"), а топонимы "Красивой кожи", трудов Снорри и "Большой саги" – заимствованы из "Легендарной саги". В то же время очевидно, что путь из Швеции на Русь пролегал через восточноприбалтийские земли, которые тоже могли покрываться "Восточными путями" "Легендарной саги", а соответственно, и "Восточным путем" Снорри и "Восточным государством" (термином более расплывчатым и реже употребляемым) "Красивой кожи". Маршрут предлагает и сама "Легендарная сага" (а за ней и "Красивая кожа"), где говорится, что "когда наступила осень, он уже был на восто-

ке в Кирьялаланде".

Посещение скандинавами территории расселения древних карел в конце I – начале II тыс. н.э. подтверждается логическими памятниками Северо-Западного Приладожья: в этом районе обнаружены скандинавские погребения, в материальной культуре местного населения отчетливо прослеживается северо-европейское влияние (С.И.Кочкуркина, 1982). Немаловажно в этой связи, что, помимо основного пути из Финского залива в Ладожское озеро, существовал и другой путь – по р.Вуоксе, проходивший через древнекарельскую племенную территорию (от современного Выборга до Приозерска). Картирование археологических памятников и кладов позволило А.М.Спиридонову сделать вывод об активном использовании Вуоксинского пути во второй половине III–XI вв. (А.М.Спиридонов, 1989).

Однако Карелия упоминается только в "Легендарной саге" и "Красивой коже" – в "Хеймскрингле", "Отдельной саге" Снорри и в "Большой саге" вновь речь (как и в ранних источниках) идет только о Руси (Гардарики). Что заставило Снорри Стурлусона исключить Кирьялаланд из маршрута Свейна – желание "скорее переправить" Свейна на Русь (по его рассказу, "он пробыл там все лето") или представление о неразделенности Кирьялаланда и Гардарики? Вероятнее всего, справедливо второе предположение. С одной стороны, эта неразделенность прослеживается уже в "Легендарной саге" и "Красивой коже", где движение в пределах "Восточных путей" ("Восточного государства" из Кирьялаланда в Гардарики описывается при помощи наречия ^u upp – "вверх" (от побережья вглубь материка)", обозначающего, как правило, перемещение в пределах одной страны. С другой стороны, объективной основой для объединения Кирьялаланда и Гардарики могло послужить включение земель корелн (наряду с другими восточноприбалтийскими землями) в состав государственной территории Руси, которое можно уверенно отнести ко времени не позднее начала XI в.

ЖИТИЕ АНТОНИЯ ПЕЧЕРСКОГО И ДАТИРОВКА РУССКО-
ПОЛЬСКОГО СОЮЗА ПРИ КАЗИМИРЕ I И ЯРОСЛАВЕ
МУДРОМ

Известно, что польский князь Казимир Восстановитель (ум. в 1058 г.) был женат на русской княжне. Об этом сообщают польские (Аноним Галл), немецкие (так наз. Саксонский анналист) и древнерусские источники, причем Повесть временных лет уточняет, что супругой Казимира была сестра Ярослава Владимировича. Однако дата этого брака является спорной: Аноним Галл его никак не датирует, а Сакс. анналист и ПВЛ называют разные годы: 1039 и 1043/44 соответственно. В тех же пределах колеблется датировка и в современной историографии. Между тем уточнение времени женитьбы Казимира было бы существенно для уяснения обстоятельств международной политики, сопровождавших восстановление Польского государства ок. 1040 г., в частности, русско-германских и русско-венгерских отношений той поры (по крайней мере, до осени 1038 г. Казимир пребывал в Венгрии). Но высказываемые в науке соображения в пользу той или иной датировки брака Казимира (т.е. установления русско-польского союза), как правило, сами производны от авторских реконструкций политических взаимоотношений того времени. Поэтому были бы весьма уместны любые новые источниковедческие данные относительно достоверности и происхождения сохранившихся в двух вышеназванных источниках дат.

Если вероятность даты, содержащейся у Сакс. анналиста, автора, исключительно информированного (так, он единственный знает о русском посольстве в Германию в 1040 г.), была достаточно обоснована уже О. Бальцером, то происхождение датировки в ПВЛ остается неясным. В свое время А. А. Шахматов убедительно показал, что сведения ПВЛ о женитьбе Казимира и Владимировны, как и целый комплекс других данных, восходит к рассказам о Моисее Угрине в Житии Антония Печерского, созданном в последние десятилетия XI в. Жития Антония (далее ЖА) было утрачено еще в средневековье, но довольно обширные дан-

ные для восстановления его содержания дают ПВЛ и Киево-Печерский патерик (далее КПП), т.к. составители этих памятников широко пользовались ЖА.

Относительная хронология событий в ЖА отличается двусмысленностью: Моисей, попавший в польский плен во время войны Ярослава с Болеславом Храбрым в 1018 г., "въ пленении страдавъ въ узах 5 лѣтъ, 6-е лѣто за чистоту" (он отверг любовь своей госпожи и был за то преследуем ею); доставленный к Болеславу, Моисей пророчествует о смерти польского князя: "Ты же что ми обѣщавашеи славу и честь, ея же ты сам скоро отпадеши, и гробъ ты приметь". Эти хронологические указания, как они читаются в большинстве списков КПП, вполне достоверны: $1018 + 6 = 1024$, Болеслав же умер в 1025 г., т.е. действительно вскоре. Однако, как известно, смерть Болеслава в ПВЛ отнесена ошибочно к 1030 г. Причину такой ошибки угадал еще А.А.Шахматов: летописец прочел "6 лѣт" не как "6-е лѣто", а как "6 лѣт", получив тем самым дату $1018 + 5 + 6 = 1029$ г. (так, например, ошибочное прочтение "6 лѣтъ" закрепилось также в Берсеневском списке КПП). Поскольку текстуальная связь между известием о смерти Болеслава в ПВЛ и словом о Моисее Угрине в КПП очевидна, то происхождение сведений ПВЛ в данном случае именно из ЖА не подлежит сомнению.

Тем самым ясно, что внутренняя относительная хронология событий в ЖА, восстанавливаемая летописцем, опережала действительную на пять лет. В таком случае, если верны две весьма вероятных посылки: 1. сведения о браке Казимира с русской княжной в ПВЛ в самом деле, как доказывал А.А.Шахматов, восходят к ЖА; 2. эти сведения в ЖА обладали относительной датировкой (например, "въ 13-е лето по смерти Болеславоу" или т.п., что правдоподобно, так как именно с русскими пленниками 1018 г., которых Казимир отдал "за вено", скорее всего, и вернулся на Русь Моисей) – то напрашивается вывод, что датировка русско-польского союза в ПВЛ 655I, т.е. 1043/44 гг., отражает фактическую датировку его в ЖА 6546, т.е. 1038/39 г., которая таким образом практически совпадает с датировкой этого события у Сакс. анналиста.

То обстоятельство, что датировки ПВЛ и Сакс. анналиста поддаются удобной синхронизации, значительно усиливает точку

зрения О.Бальцера и его сторонников, относивших брак Казимира к рубежу 1038 и 1039 гг. Трудно сказать, находился ли Казимир в это время еще в Венгрии или уже в Германии (для предположения, будто от Петера Орсеоло Казимир двинулся поначалу в Киев к Ярославу, как полагает, например, М.Хелльманн, не видим достаточных оснований). Так или иначе, но русско-польский союз, очевидно, несколько предшествовал немецко-польскому, который был заключен, по всей вероятности, только при Генрихе III, т.е. не раньше июля 1039 г. (Конрад II скончался 4 июня).

А.Б.ГОЛОВКО

К ВОПРОСУ О ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ДОКТРИНАХ И
ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ДРЕВНЕЙ РУСИ (ДО СЕРЕДИНЫ
XI в.)

Представленная в качестве темы нашей работы проблема не является новой, однако до сих пор в историографии нет ее четкого, обстоятельного исследования. Во многом, причины такого положения вызваны крайней лапидарностью источников, которые даже в результате самого тщательного синтеза позволяют порой строить лишь весьма гипотетические конструкции. Особенно это касается периода до конца X в., то есть официального введения христианства на Руси, который весьма слабо освещен древнерусскими книжниками, да еще и подвергнут специфической "средневековой" идеологической обработке. Недостаточно ясными представляются и многие аспекты представлений о месте Руси в мире и после 988 г.

Рассмотрение темы представляется возможным лишь с учетом развития религиозных представлений восточных славян, их перехода от язычества к христианству, и связанных с обеими конфессиями идейно-политических теорий. Говоря о смене религиозных систем, не отвергая факта социальных конфликтов, связанных с нею, следует отметить, что в интересующем нас аспекте, идейно-политические представления язычества и христианства не находились в крайне антагонистическом положении по отношению друг к другу. Складывание внешнеполитических доктрин происходило в результате конвергенции собственных и прив-

несенных извне представлений.

Истоки дипломатической практики Руси восходят к временам "военной демократии", походам славян-антов на Балканы в эпоху Великого переселения народов. Постепенные сдвиги во внешнеполитических представлениях намечаются в VIII – начале IX вв., в пору оформления протогосударственных образований. В ходе походов на Сурож и Амастриду славянские вожди-князья подпадали под идеологическое воздействие византийской системы. Важным показателем его было "крещение" Бравлина, которое прежде всего носило политический характер. О других влияниях говорит миссия дипломатов-"русов" в Ингильгейм, где во время встречи с императором Людовиком Благочестивым они называют своего государя весьма авторитетным на Востоке титулом "хакана" (кагана).

В новейшей литературе уделяется большое внимание походу русов на Константинополь в 860 г. и его последствиям. Разрыв в шесть лет между собственно военной акцией и "крещением" русов дает основание полагать, что на это время приходится этап идейно-политического развития восточно-славянского мира. Можно предполагать решающую роль самих славян в акте христианизации, в приглашении на Русь греческого архиепископа, тем более, что анализ отечественных и византийских источников не дает каких-либо значительных фактов, позволяющих с уверенностью утверждать об активном желании византийских официальных кругов распространять на Русь христианство. Упоминание летописи под 911 г. о показе византийцами русам-язычникам христианских храмов и их богатств не обязательно рассматривать как проявление их стремления склонить славян к христианству.

В ракурсе развития дипломатической службы внешнеполитических представлений на Руси следует рассматривать переговоры о заключении выгодных не только в меркантильном, но и в престижном плане договоров, матримониальных союзов между Русью и Византией в 946-957 гг., когда проблема утверждения Киевской Руси на международной арене становится одной из важнейших задач ее внешней политики. С этой точки зрения особого внимания заслуживает проект (предполагаемый) брака Святослава с греческой принцессой в 946 г., проведение офици-

ального крещения древнерусской княгини Ольги в рамках системы византийского церемониала в 957 г., отражавшей совершенно определенные представления о политической структуре христианского мира.

В правление Святослава, несмотря на новую религиозную ситуацию, внешнеполитические доктрины Руси продолжают развиваться. В пользу этого говорят материалы Повести временных лет так и "Хроники" Льва Диакона. Международная программа киевского князя отражала тенденцию к возникновению крупной славянской державы, в этом плане обнаруживает сходство с деятельностью болгарского царя Симеона. Не было в этом смысле противоречия между политикой Святослава и позднейшей деятельностью Владимира. При последнем предпринимаются усилия по упрочению авторитета княжеской власти, правящей верхушкой для укрепления своих позиций в обществе принимается христианство. Есть основания полагать, что, если политически Русь добила уступок от Византии в плане оформления матримониального союза династов и официального согласия греков на введение христианства повсеместно по всей стране, в идеологическом аспекте наметилось стремление древнерусской знати к дальнейшему ускоренному восприятию византийского идейного наследия, то в чисто религиозном отношении древнерусское общество воспринимало христианские традиции отличные в чем-то от византийских. Со времен Владимира в русском христианстве можно выделить как-бы два религиозных направления: универсальное, связанное в известной мере с корсунскими и кирилло-мефодиевскими традициями, и провизантийское. Первое было представлено клиром Десятинной церкви, второе - причтом Софийского митрополичьего собора.

Довольно сложной представляется эволюция идейно-политических представлений Руси во времена Ярослава. Прочные религиозно-политические связи с греками, потребности в распространении христианства на Руси и укрепления церковной организации способствовали восприятию именно византийских идейных традиций. Но, с другой стороны, сохранившееся идейное соперничество Руси с Византией, стремление древнерусских книжников заявить об особом месте своей страны в хри-

стианской ойкумене породило своего рода идейное соперничество двух стран. Эти обстоятельства нашли отражение в трактате Илариона "Слове о законе и благодати". И в последующее время, в духовной жизни Руси сохраняется тенденция как к ориентации на византийские, так и на общеуниверсалистские доктрины христианского мировоззрения.

А.Л.ХОРОШКЕВИЧ

КОННЫЕ ПЕЧАТИ МСТИСЛАВА МСТИСЛАВИЧА УДАЛОГО —
ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РУСИ НАЧАЛА XIII в.

Атрибутирование и датировка княжеских печатей, произведенная В.Л.Яниным в соответствии с принципами, намеченными Н.П.Лихачевым, дала в руки исследователей Древней Руси, в том числе и ее международных отношений, огромный комплекс сфрагистических материалов. Настоящее сообщение представляет собой попытку анализа некоторых из них как памятников международных отношений Руси первой четверти XIII в.

В раннесредневековой Руси не использовались, по определению Р.Хайсига, портретные печати (ни тронные, ни конные, ни пешие). Преобладали по наименованию польского исследователя — образные агиографические, точнее, применительно к русским княжеским печатям, было бы назвать их образными патрональными. На них помещались изображения святых, тезоименитых князьям (имелось ввиду, конечно, христианское имя), а также их отцам. Преобладали изображения пеших святых. Появившись в 1136 г. такие печати продержались весь XII в. и отчасти XIII в.

Этот тип изображения восходил, несомненно, к византийской традиции, где он представлен буллами различных министерств.

В начале XIII в. происходит резкая смена изображения на печати: патрональные святые на печатях Мстислава Мстиславича Удалого, Всеволода Юрьевича и Александра Ярославича Невского превращаются во всадников. Каков смысл и каковы причины исчезновения пешего святого и появления конного? Чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к европейской

средневековой сфрагистике. В ней к началу XIII в. наряду с портретными тронными печатями, которыми пользовались императоры и короли, огромное распространение получили портретные конные печати. Этот процесс был связан с успехами феодализма в политической сфере, с формированием независимых феодально-раздробленных государств. Их главы — князья, графы, пфальцграфы, герцоги пользовались печатями с изображением всадника, символом независимой государственности. Применение аналогичных печатей (с учетом того, что на русских печатях располагается не портрет князя, а "портрет" святого) на Руси свидетельствует о том, что русские князья осознавали себя равными главам других европейских государств, что их политическое самосознание формировалось на тех путях, что и в остальной Европе, а формы, в которые облекались их политические, в том числе и внешнеполитические амбиции были сходными. При этом печати — не исключение. Аналогии в развитии политического самосознания на территории всей Европы теперь подчеркивают все, и, в особенности, зарубежные исследователи.

В поисках непосредственного образца, которому следовали русские мастера-резчики, следует обратиться к сопоставлению иконографии булл, теме, которую поставил перед советскими сфрагистами С.М.Каштанов в рецензии на классическую работу В.Л.Янина.

Ограничимся печатями Мстислава Мстиславича Удалого, торопецкого, новгородского (I210-I215, I216-I218) и галицкого князя. Все четыре разновидности печати этого князя (№№ 203-206) по каталогу В.Л.Янина найдены по преимуществу в Новгороде и относятся к двум периодам его княжения в этом городе. На оборотной стороне печатей находится пеший св.Феодор с копьем в правой руке и щитом в левой, на лицевой — конный.

В поисках образца может помочь анализ иконографических деталей лицевой стороны. На печатях №№ 203-204 имеются флажок на копье и шестиконечный крест (№ 203) и стяг на длинном древке (№ 204), которые придерживаются левой рукой. На двух других печатях за спиной святого развевается плащ. Последней детали нет ни в одной современной европейской печати (впрочем, не изучены автором венгерские печати). Стяг же и флажок —

обычная принадлежность конных печатей европейского средневековья. И флажок, и стяг живописно развеваются на ветру, образуя горизонтальные полосы на полотнищах. При всем своеобразии образа всадника на польских, немецких, английских и др. печатях (всадник движется налево, изредка направо, лошадь идет рысью или галопом, поводья натянуты или полуспущены, всадник упирается в стремяна прямыми ногами или прищипоривает своего коня, или небрежно сидит, повернувшись к зрителю боком или в три четверти), неизменно остается одна деталь — стяг или флажок с горизонтальными полосками. Таким образом, эта иконографическая деталь вряд ли может помочь поискам образца для изображения конного святого на печати Мстислава Мстиславича.

Теоретически такие поиски следует направить либо в Польшу, с которой русские князья поддерживали тесные связи (Елена Ростиславовна в 1163 г. стала женой польского князя Казимира II, дочь Ярослава Осмомысла до 1187 г. — познаньского князя Одо, Агафья Святославовна Черниговская в 1209 г. — мазовецкого князя Конрада, Всеволод Чермный в 1178 г. женился на дочери Казимира III), либо в Византию. Однако массовое распространение конных печатей в Польше произошло уже в середине XIII в., наиболее ранние образцы конных печатей принадлежат поморским князьям, а также великопольским — Мешко III Старому (1161), Одо Познаньскому, печатью которого позднее пользовался его сын Владислав Одонич (1209, 1212, 1213). Этот факт, как и иное направление движения (лишь у Одо всадник обращен направо, как и у Мстислава Мстиславича) заставляют обратиться к Византии.

Здесь со времени IV крестового похода и основания Латинской империи утверждается новый тип печати. На обороте обычной для византийских императоров тронной печати стали помещать всадника, обращенного вправо с поднятым в правой руке мечом. Надпись на печатях гласила, что всадник символизировал собой фландрских герцогов, династия которых утвердилась на византийском-латинском престоле.

В советской литературе (В.Т.Пашуто) принято считать, что с Латинской империей Русь не поддерживала отношений.

Между тем хорошо известно, что до 1210 г. в Новгород вернулся из Цесаряграда – Константинополя Добрыня Ядрейкович, который принял постриг и по изгнании Мстиславом Мстиславичем Удалым новгородского владыки Митрофана был послан "в Русь" (т.е. в Киев) ставиться на место владыки. Его кандидатура не вызвала возражений, и этот наблюдательный очевидец крестоносного разгрома Византии стал новгородским архиепископом. Именно он и мог принести в Новгород известия о новом типе оформления печатей в Константинополе. Возможно, именно с ним связано появление шестиконечного креста на печати Мстислава Удалого № 203, если полагать, что этот крест латинский. В пользу этой гипотезы говорит исчезновение этого креста на более поздних печатях князя.

Однако и в печатях византийско-латинских императоров и фландрских герцогов нельзя видеть прообраза печати Мстислава Удалого. Воинственной позы латинских императоров противостоит мирная поза святого Феодора на печати Мстислава. Роднит их лишь одна деталь – направление движения: вправо.

В заключение можно констатировать, что на Руси во втором десятилетии XIII в. появился новый тип княжеской печати, изображение на котором сходно с изображениями на печатях независимых государей феодально-раздробленных политических образований Европы. Наиболее близка иконография этой печати с иконографией печатей великопольских князей, что объясняется тесными связями Руси с Польшей. Некоторую роль в принятии нового типа печати мог сыграть опыт оформления печатей в Латинской империи.

Настоящее сообщение больше намечает пути к изучению иконографии княжеских печатей, чем дает окончательные ответы. Ясно, однако, что анализ изображений таит в себе огромные возможности для познания международных связей, в особенности, в области культуры.

Н.Ф.КОТЛЯР

ГАЛИЦКАЯ ЛЕТОПИСЬ О РУССКО-ВЕНГЕРСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
В 30-Х ГОДАХ XIII В. (из комментария)

В Институте истории АН УССР начата подготовка издания

Галицко-Волынской летописи XIII в. Она, как известно, состоит из Галицкой (до 1264 г.) и Волынской (до конца XIII в.) частей. В процессе работы над комментарием возникла возможность уточнения некоторых предложенных ранее датировок (первоначальный текст памятника не был разбит по годам), иной интерпретации ряда явлений, событий и фактов. Предприняты попытки объяснить мотивы, которыми руководствовались летописцы в том или ином случае, выявить степень и характер их информированности.

Изучая галицкую летопись и круг источников, синхронных ей или созданных позднее, но опиравшихся на более ранние, автор попытался конкретизировать некоторые существующие в научной литературе характеристики русско-венгерских отношений 30-х годов XIII в. Речь пойдет преимущественно о связях между Галицкой Русью и Венгрией, поскольку князья других русских земель, за исключением Черниговской, почти не имели непосредственных контактов с Венгерским королевством.

После изгнания венгерских войск королевича Андрея и утверждения Даниила Романовича в Галиче в 1230 г. оппозиционно настроенная в отношении князя боярская олигархия продолжала прилагать усилия к свержению его. Не исключено, что бегство соперника Даниила за первенство в Галицко-Волынской Руси, белзского князя Александра в Венгрию в 1231 г. было инспирировано мятежными боярами ("Олександрю, оставивъшу все имяние свое, и тако прииде Угры"¹ – сообщение о потере "имения" некоторые историки ошибочно относили не к Александру, а к посланному за ним вдогонку галицкому боярину Владиславу), и связано, думается, с последующим вторжением Венгрии в Галицкую землю.

Дискуссионным остается вопрос о мотивах появления венгерских войск в пределах Галицкой Руси в 1231 г. Наш летописец изобразил дело так, будто венгерский король отправился в поход, поддавшись на уговоры поднявшегося против Даниила главы боярской оппозиции: "Судислав... возведе короля" (с 509). Этот наивный взгляд принимался большинством дореволюционных историков Галицко-Волынской Руси (напр., Д.И.Зу-

брицким). Несколько вычурное объяснение причин венгерско-русской войны предложил В.Т.Пашуто: король Андрей пострадался в крестовых походах и решил пополнить казну за счет грабежа галицкого люда². Но вернее всего предположить, что венгерский монах просто воспользовался феодальными распрями в Галицкой земле, дабы захватить ее и, быть может, даже присоединить к своей державе. Такое толкование подтверждается последующим развитием событий.

Галицкий летописец вовсе не упоминает о Данииле, описывая вторжение венгерской рати в 1231 г. Принимая мнение А.М.Андряшева об отсутствии князя на театре военных действий – был в Поднепровье и помогал своему союзнику Владимиру Киевскому против Михаила черниговского, – подкрепляем его следующими соображениями. В 1229 г., согласно хронологии Новгородской первой летописи младшего извода³, Михаил Всеволодич оставил новгородский стол, вернулся в Чернигов и в начале 1231 г.⁴ заключил союз с владимиро-суздальскими князьями Георгием и Ярославом Всеволодичами⁵, что позволило ему начать борьбу за киевское княжение. Естественно думать, что, овладев Галичем, Даниил поддержал Владимира Рюриковича в самом начале этой борьбы: из всех русских князей черниговский был наиболее опасен для галицкого властелина.

Повествуя об осаде Даниилом цитадели Галича в конце 1233 – начале 1234 г., где заперлись венгерский принц с войском и мятежные бояре, летописец заканчивает свой рассказ следующим образом: "Королевич умре, ... а Судислав иде Угры" (с.514). Рассмотрение последовательности летописного рассказа приводит к выводу, что это случилось в самом начале 1234 г. (подобное мнение находит косвенное подтверждение в венгерских источниках)⁶. В.Н.Татищев кратко сообщает, что венгерский монарх формально отказался от Галича: "Отрекся король по грамоте Мстиславлей Галича"⁷. Речь идет о сообщении Галицкой летописи: "Мъстислав (Удатный. – 1231) дасть Галичь королевичю Андрееви" (с.501), которое вероятнее всего датировать 1227 г. Если даже сообщение Татищева соответствует истине, то и в этом случае король сделал тактический ход, направленный на выигрыш времени для сбора но-

вого войска.

Таковы некоторые наблюдения над текстом Галицкой летописи, касающиеся русско-венгерских отношений 30-х годов XIII в., произведенные во время подготовки комментария к этому памятнику.

1. Летопись по Ипатскому списку, Спб, 1871, с.509. Далее осылаемся на Галицкую летопись по этому изданию, указывая страницы в скобках после цитируемого текста.

2. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с.258.

3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, М.-Л., 1950, с.275. По-видимому, дата верна (см.: Березков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963, с.269).

4. Березков Н.Г. Указ.соч., с.108.

5. ПСРЛ, т.1. Лаврентьевская летопись. Вып.2: Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку, 2-е изд. Л., 1927, стб.456.

6. См.: Geschichte Ungarns von L.V.Szalay, Pest, 1869, S.32-33

7. Татищев В.Н. История Российская, т.3. М.-Л., 1964, с.228.

Н.И.ШАВЕЛОВА

РУСЬ В ДОНЕСЕНИЯХ ПОЛЬСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XIII В.

Из донесений посольства, отправленного в 1245 г. папой Иннокентием IV к татарам наибольшую известность имеет официальный доклад главы миссии папского легата итальянца ПIANO Карпини, произнесенный на Лионском соборе. Менее знакомы исследователям две реляции, составленные спутниками ПIANO Карпини. Установлено, что в составе посольства было четыре путешественника. Посредником между русскими и руководителем миссии служил Бенедикт, прозванный Поляком. Его собственный небольшой рассказ был записан двумя францисканскими монахами, встретившимися путешественникам на обратном пути.

Болеe 30 лет тому назад обнаружена рукопись, содержащая третье сообщение ("Historia Tartarorum"), достоверность

которого на сегодняшний день признана бесспорной. Оконченное в 1247 г. донесение адресовано провинциалу францисканцев в Чехии и Польше. Полагают, что в нем использован черновик большого доклада Плато Карпини. Автор, именуемый в рукописи *frater C. de Bredia* высказывает определенный интерес к славянским реалиям, событиям, связанным, в частности, с Польшей и Русью. Это позволяет исследователям считать его по национальности также поляком. Сведения, отличающиеся или дополняющие информацию Плато Карпини о Руси и народах, бывших с ней в соприкосновении в середине XIII в. приобретают особую значимость, поскольку автор постоянно ссылается на рассказы своих товарищей и чаще всего на свидетельства брата Бенедикта.

В третьем донесении амплифицированы известия о битве поляков с татарами под Легницей в 1241 г., о сражении венгров при Шайо. Здесь особо выделена роль так называемого Галицкого короля Кальмана. Информативной насыщенностью отличаются новые данные источника о куманах, аланах, казарах и других народах, населявших территорию СССР в древности. Лингвистическая эрудиция автора обнаруживается в приводимом сравнении монгольских племен, "имеющих один язык, но разные наречия, подобно чехам, полякам и русским или жителям Австрии, Тюрингии и Швабии...". Нередко на латыни истолковываются чужеземные названия.

Уникальным представляется сообщение о битве на Калке. По данным памятника сражение с татарами в 1223 г. происходило близ двух речек, одна из которых называлась *Calc*, другая — *Coniuzza*, что по-татарски означает Овечья Вода. Подтверждается таким образом запись об этом событии в Софийской I и Троицкой летописях, где также упоминаются две реки, на что уже в 1976 г. обратил внимание советский топонимист Е.С.Отин. Ему же ныне принадлежит гипотетическая разгадка Овечьих Вод, под которыми издатель третьей редакции Дж.Пэйнтер, бесосновательно усматривает р. Кальмиус.

Свидетельства нового источника отличаются живостью непосредственных наблюдений автора, изложившего свои впечатления в повествовании, лишенном официальной дидактики, что придает сочинению исключительную ценность.

ДАЛМАЦИЯ И ИТАЛИЯ В XIII-XV ВВ.

В самом названии моего сообщения заложена некоторая некорректность: и Далмация не представляла в средние века единого политического целого, и Италия не была единой. И тем не менее с той и с другой стороны было нечто общее. На востоке Адриатики – это существование городов-коммун с тесно примыкающими к ним сельскими округами, а на западе – те же городские общества, только значительно более развитые в производстве, международном обмене, во всем том, что стало предпосылкой Возрождения. Таким образом, наша тема дает не часто встречающуюся возможность сопоставить и увидеть во взаимодействии славянские и неславянские городские миры.

Нам не обойтись в последующем изложении без известной типологизации. Выделим три характерных города, по-разному строивших отношения со своими итальянскими соседями. Это – Дубровник, Задар и Сплит.

Отношения Дубровника с итальянским миром очень рано приобретают активный характер, уже с середины XII в. город заключает торговые договоры с рядом апеннинских центров, с Бари, Мольфеттой, даже с Пизой. В последующем он будет вести себя еще более независимо, опираясь на свой флот, весьма развитую ремесленную базу и на особые позиции, приобретенные на балканском рынке. В отношениях с Италией дубровчане займут совершенно особое место, не похожая на остальных далматинцев. Пути исторической эволюции Дубровника и Далмации разойдутся. В итоге все это выльется в многолетнее, драматическое и в общем успешное противостояние той силе, перед которой спасует остальная Далмация – мощной Венецианской республике.

И Задар на итальянском берегу будет видеть преимущественно Венецию, но здесь возникнут отношения иного порядка. То Венеция захватывает город, то Задар вновь и вновь восстает против венецианцев – бесконечная цепь побед и поражений в борьбе за городскую вольность. Для Задара Венеция – противник, но это противник-суверен, много давший ему – и в правовой системе, и в структуре власти, и даже в образе жизни.

Недаром Задар станет центром венецианской администрации, а позднее самым италянизированным городом на побережье. И никак не случайно, что именно Задар будет поставлять в новое время кадры самых рьяных ирредентистов, т.е. сторонников присоединения восточного берега Адриатики к Италии.

Сплит – это промежуточный тип развития. Открыто противостоять венецианцам он не может, он малолюднее, чем остальные города (2–3 тыс. жителей против 5–6 в Дубровнике и 7–8 – в Задаре), но и безоговорочно признать ее власть не собирается. Поэтому он колеблется, переходя от добровольного подчинения Республике, боясь угрозы со стороны боснийских династий Шубичей (1327), до отказа от этого подчинения (1357) и до стойкого сопротивления в годы, когда Венеция уже захватила всю Далмацию (1420) – Сплит сдается одним из последних.

Такова схематично обрисованная модель международного поведения всех трех типов городов в самые напряженные двести лет их истории (1205–1420). Впоследствии ситуация упрощается, все города за вычетом Дубровника переходят под власть Венеции, и основными тенденциями их дальнейшей эволюции становится упадок торговли, утрата коммунальной автономии, даже градостроительная перестройка – все в пользу венецианцев. И только расцвет городской литературы в XV–XVI вв. свидетельствует о том, что сознание горожан не утратило своей самобытности.

К сфере сознания мы можем отнести и наш первый вывод. Конечно, тот или иной поворот событий во внешнеполитической деятельности горожан зависел и от военно-политической конъюнктуры. Ещё большую роль сыграли хозяйственные потенции городов. Но в этом перечне обстоятельств никак нельзя игнорировать и устойчивого типа умонастроения горожан, того социально-психологического климата, который десятилетиями создавался в каждом городе и который лучше всего передается русской пословицей "что ни город, то норв". Недаром в облике дубровчан современники отмечали и двоедушие, и язвительность, но в то же время – и упорство, и предприимчивость, и мужество. В выборе различной судьбы для своих маленьких родин ментальный склад горожан играл, на мой взгляд, далеко не

последнюю роль. Так, даже беглый обзор позволяет обнаружить в сознании славянских городских обществ на Адриатике зарождения каких-то этнопсихологических (или, скажем, более осторожно, квази-этнопсихологических) качеств, без которых картина этих обществ была бы неполной.

Но почему мы говорим лишь об отношениях с Венецией? Неаполитанское королевство было, например, антиподом этих отношений — связи с ним, основанные на многолетнем вывозе хлеба в Далмацию, были мирными и спокойными. Взаимоотношения же с Анконой были своеобразным образцом многосторонности — через нее совершались сношения с римской курией, откуда черпался опыт управления и сами кадры администраторов (вспомним создателя подестата в Сплите, Гаргана де Аршиндис), Анкона была ведущим центром товарообмена с балканскими областями. Упомянем, наконец, и массовую эмиграцию с Балкан в область Анконы, в Марку, ставшую известной в последние годы благодаря архивным исследованиям итальянских историков (особенно С. Ансельми).

Многообразие политических, коммерческих и культурных взаимосвязей — вот ведущая черта международного положения на Адриатике до второй половины XV в. С появлением турецкого флота всё меняется, все формы взаимоотношений приобретают иную окраску, становятся гораздо более одноцветными.

И. Г. КОНОВАЛОВА

БОЛГАРИЯ И ЗОЛОТАЯ ОРДА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIV в.

(по данным арабских источников)

I. Одним из ценных источников по истории взаимоотношений Болгария и Золотой Орды в первой половине XIV в. являются сочинения ряда арабоязычных авторов XIV в. — Руки ад-дина Бейбарса, Абу-л-Фиды, ан-Нувайри, ал-Омари, ал-Калкашанди, Ибн Халдуна. Осведомленность этих авторов относительно состояния дел на западных границах Золотой Орды основывалась, главным образом, на том, что все они — кто в силу высокого положения в чиновничьей иерархии, кто вследствие близости к султану — имели доступ к документам канцелярии египетских султанов, поддерживавших, как известно, тесные отношения с

золотоордынскими правителями. Кроме официальной документации султанской канцелярии, некоторые арабские авторы пользовались информацией купцов и путешественников, побывавших в Золотой Орде.

По составу сообщения арабских авторов разделяются на две группы. Значительная часть сведений, восходящая к сфере политических контактов Золотой Орды с Египтом, касается в основном перипетий политической истории Золотой Орды и сопредельных территорий (Рука ад-дин Бейбарс и оледующие за ним в изложении ан-Нувайри и Ибн Халдун). Другая группа сведений, приводимых арабскими авторами, опирается на источники, сформировавшиеся в купеческой среде, и отражает прежде всего этнический облик и политическую ситуацию в отдельных торговых центрах региона (Абу-л-Фида, ал-Омари).

2. Как известно, к началу XIV в. Болгария находилась в сильной зависимости от Золотой Орды. Тырновский престол некоторое время даже занимал Джека, сын Ногай. С гибелью Ногай и его сыновей, о чем подробно повествуют арабские авторы, обычно связывают изменение политической ситуации на западе Золотой Орды, выразившееся в ослаблении позиций Золотой Орды и в усилении Болгарии, которая при Федоре Святославе распространила свою власть на Днестровско-Дунайское междуречье при сохранении верховного сюзеренитета золотоордынского хана над этой территорией. В арабских источниках по вопросу об отношениях Золотой Орды и Тырновской Болгарии в первой половине XIV в. прослеживаются два основных положения. Во-первых, недвусмысленно утверждается, что Болгария продолжала сохранять зависимость от монголов. Во-вторых, некоторые данные, приводимые арабскими авторами, свидетельствуют об особом положении города Аккермана (Белгорода-Днестровского), который одни авторы считают пограничным городом Золотой Орды, а другие - принадлежащим Болгарии. Двойное подчинение Днестровско-Дунайского междуречья сохранялось, таким образом, не только при Токте, но и во времена Узбек-хана.

3. В первой половине XIV в. золотоордынцы продолжали быть активной военно-политической силой на Балканах. Татары нередко были наемниками у воевавших друг против друга балканских правителей. В этой связи заслуживает внимания сооб-

жение Руки ад-дина Бейбарса о бегстве в 1302 г. в Видинское княжество к Шишману сына Джеки Каракишека и его 3-тысячного войска. Сведения Бейбарса содержат любопытные детали и могут быть сопоставлены с известиями византийских авторов, а также с данными итальянских источников о деятельности татар в районе Видина.

Г. П. МЕЛЬНИКОВ

ЧЕШКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XIV В.: ОТ ПРЕТЕНЗИЙ НА ПОЛЬСКИЙ ТРОН К КОНЦЕПЦИИ "СТАРШЕГО РОДСТВЕННИКА"

I. Этническая, языковая и историческая близость чешской и польской феодальных народностей как фактор, обуславливавший характер взаимоотношений между двумя странами.

II. Коронация чешского короля Вацлава II польской короной в 1300 г. как апогей польских aspirations династии Пршемисловцев.

III. Сосредоточение трех корон (чешской, польской и венгерской) у династии Пршемисловцев вызвало опасения возвышения Чехии и нарушения баланса политических сил в Центральной Европы как со стороны Германской империи и папской курии, так и со стороны части магнатов и сословий Польского и Венгерского государств.

IV. Убийство Вацлава III в 1306 г. — до сих пор загадочное — как решение сложного комплекса чешско-польско-венгерских отношений и средство устранения Чехии с внешнеполитической сцены.

V. В новой политической доктрине Карла IV отношение к Польше определяли два аспекта:

V.1. государственно-историческая традиция (теория "перенесения державы", согласно которой Чехия являлась наследницей Великой Моравии, в состав которой входила, как считалось в XIV в., и часть Польши);

V.2. этно-историческая теория, согласно которой поляки происходят от чехов. Эта концепция, сформулированная хронистом Пулкавой, определила идеологию чешско-польских отношений в середине XIV — начале XV в. как отношений родственного старшинства.

шинства.

УІ. Концепция "старшего родственника" как политическая реалья в чешско-польских отношениях эпохи Карла ІУ отразилась в дипломатической переписке и экономических требованиях (свободный проезд купцов) Чехии к Польше.

УІІ. Полонофобство как одна из сторон концепции "старшего родственника", недовольного "младшим": принижение политического значения Польши в автобиографии Карла ІУ, антипольские тенденции в официальной хронистике круга Карла ІУ.

Е.П.НАУМОВ

КОСОВСКАЯ БИТВА 1389 г. :К ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ НА БАЛКАНАХ (ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ И
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ)

"От Адама же и до боя князя Лазаря на Косове, что (бился) с измаилитами, лето 6897", – так определил безвестный сербский книжник в своей записи значение Косовской битвы 15 июня 1389 г., включая ее в ряд главных событий мировой истории. Гибель в этом сражении не только сербского князя Лазаря и османского султана Мурада, но и многих сербских и боснийских феодалов, покорение Сербии османской власти, – все это с давних пор вызывало неизменный интерес к Косовской битве в историографии.

Её предьстории и последствиям для балканских государств, сообщениям различных (славянских, османских, западноевропейских и др.) источников и развитию косовской легенды в южно-славянском эпосе и народном сознании посвящено уже много книг и отдельных статей. В современной югославской историографии (особенно с 60-х гг.) наметилась при анализе международных отношений на Балканах во второй половине XIV в. тенденция, которая не только отодвигает Косовскую битву 1389 г. на второй (или даже задний) план по сравнению с Марицким сражением 1371 г., но и ставит уже в какой-то мере под вопрос оценку военно-политических и международно-правовых результатов битвы 1389 г. "В отличие от Косовского сражения, – писал Г.А.Острогорский, – по крайней мере исход битвы на Марице (т.е. в 1371 г. – Е.Н.) совсем ясен: внезапный и полный крах смелого

плана сербского деспота и сербского короля, гибель одного и другого, двух самых видных личностей на тогдашних Балканах, уничтожение их войска. Это была самая крупная и самая значительная победа турок до 1453 г." Это мнение в настоящее время (в той или иной степени) разделяют также югославские медиэвисты С.Чиркович, Р.Михальчич. Но можно ли признать вполне обоснованным такой пересмотр прежнего взгляда на Косовскую битву 1389 г. как столь важный рубеж в истории средневековой Сербии и османской экспансии на Балканах, в истории международных отношений в Юго-Восточной Европе во второй половине XIV и XV в. ? Ответ требует вновь обращения к сохранившимся источникам, к памятникам средневековой историографической традиции, анализа сложной международной обстановки второй половины XIV в.

Сопоставление пред истории и результатов Марицкой и Косовских битв, по нашему мнению, показывает все реальные различия в соотношении сил (османских и антиосманских) на данном этапе, как и в оценке общеисторических перспектив современниками этих событий и медиэвистами XIX-XX вв. Не вызывает сомнений значимость разгрома Вукашина и Угleshи Мрнявчевичей османами (1371) и ликвидации Сербского княжества для резких изменений политической карты всего региона. Вместе с тем Марицкая катастрофа означала в конечном счете крах надежд на самую широкую (и, тем самым, больше всего обещающую успех) антиосманскую коалицию южнославянских и других балканских государств, включая также и Византию. Однако и после 1371 г. — даже после крушения власти Мрнявчевичей в Сербии и Сербском княжестве, после признания Византией верховной власти Мурада, начавшего подчинять Болгарию, — все же существовали предпосылки для создания достаточно сильного (с участием Болгарии или без нее) союза южнославянских феодальных владетелей во главе с сербским князем Лазарем, который мог бы нанести тяжелое поражение османским завоевателям, приостановить их нашествие.

Такая постановка вопроса, по нашему мнению, делает весьма перспективным повторный анализ средневековых источников, которые содержат сведения о том, кто входил в состав союзнической армии под верховным командованием князя Лазаря

(т.е. — соответственно — в состав этой антиосманской коалиции 1389 г.) и какие силы были использованы султаном Мурадом, помимо собственно османских воинских отрядов. При этом очень важно попытаться установить, какой позиции придерживались тогда многочисленные феодальные владельцы югославянских земель. Этот анализ сохранившихся свидетельств, думается, может ответить и на высказываемые в современной литературе сомнения по поводу результатов Косовской битвы и "неясности" ее последствий для Сербии и в общепалканских масштабах. В частности, не вызывает сомнений тот факт, что после 1389 г. Сербия становится зависимой от Порты, а всякая попытка объединения югославянских феодальных государств для отпора османам уже стала невозможной — и вследствие уничтожения (вскоре — одного за другим) ряда еще сохранившихся политических образований, и ввиду нарастания в Сербии и Боснии феодальной децентрализации и междоусобных распрей, недостаточности сил оставшихся правителей и группировок для сколько-нибудь успешной антиосманской борьбы без помощи соседних государств Центральной и Восточной Европы. Иными словами, после Косовской битвы 1389 г. в истории османского завоевания и, в свою очередь, попыток нанести поражение войскам Порты наступает новый этап — этап, когда был необходим союз южных славян с Королевством Венгрией, Великим княжеством Литовским, Валахи-ей, Молдавией и др.

Е. Л. НАЗАРОВА

ЛИВОНСКО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ОРДЕНСКИХ ХРОНИКАХ XIV В.

I. В докладе анализируются сведения о ливонско-русских связях в хрониках Ливонии XIV в. — "Младшей" рифмованной и хронике Германа фон Вартберга. В этих хрониках представлены разнообразные известия о событиях XIV в. в Ливонии. Слабость источниковой базы по истории Ливонии XIV в. повышает источниковедческую значимость данных хронографических памятников.

В русских летописях указанная тема отражена далеко не полно и достаточно односторонне.

Хотя сведения ливонских хроник об отношениях с Русью неоднократно использовались исследователями, названные выше обстоятельства обуславливают необходимость более тщательно их изучения на фоне общего содержания хроник.

2. "Младшая" рифмованная хроника ^{написана} Бартоломеом Хёнеке, капелланом магистра Госвина фон Герике (1345–1359 гг.), состоявшем при нем и ранее, еще в бытность Госвина комтуром Феллина. Хроника описывает события с 1315 г. до конца правления Госвина. Центральное место в хронике занимает описание Крестьянской войны 1343–1345 гг. Хроника составлялась по заказу магистра с целью обосновать закономерность перехода к Ордену бывших датских владений в Эстонии.

3. Герман фон Вартберг – младший современник Хёнеке, капеллан магистра Ливонского Ордена, начальник орденской канцелярии, выполнял важные дипломатические поручения магистров. Состоял при магистрском дворе примерно с 1358 г. Хронику писал на рубеже 70/80-х гг. Основная цель произведения – оправдание деятельности Ордена в борьбе за гегемонию в Ливонии. История Ливонии дается с начала завоевания до конца 70-х гг. XIV в.

4. Положение обоих хронистов при дворе магистров Ливонского Ордена позволяет говорить о достаточной их информированности как о древних, так и о современных им событиях. Ливонско-русские отношения в обеих хрониках являются сюжетными линиями, подчиненными основной цели создания этих хронографических памятников. Правда, проследить этот момент по хронике Хёнеке в полной мере затруднительно; так как она дошла до нас лишь в передаче историка XVI в. И.Реннера и нет уверенности, что он воспроизвел в своем труде её целиком, без пропусков. Тем не менее, в известном нам варианте хроники есть довольно подробные сообщения о ливонско-русских отношениях 30–40-х гг. XIV в., в том числе о походе русских на Рижское архиепископство в 1340 г. и о походе в Эстонию во время крестьянской войны 1343–1345 гг. Подробность этих сообщений объясняется стремлением Хёнеке как можно полнее запечатлеть деятельность магистра Госвина фон Герике в сложных для Ливонии ситуациях. При этом не исключе-

на и корректировка хронистом ряда фактов. Упоминания о некоторых событиях, изложенных в хронике, в русских летописях отсутствуют. В других случаях, хроника дополняет и уточняет сообщения новгородско-псковского летописания.

5. Герман фон Вартберг заимствовал факты о ливонско-русских отношениях из "Старшей" рифмованной хроники и хроники Бартоломея Хёнеке, а также пользовался материалами архива Ливонского Ордена. Подчиненность этой сюжетной линии основной идее хроники прослеживается у Германа более отчетливо, чем у его предшественника. Автор проводит мысль, что Ливонский Орден в отношениях с Русью был стороной страдательной, вынужденной обороняться от натиска русских. Причем Герман, как и его предшественник не забывал подчеркнуть доблесть и успехи орденского войска. С этим связан отбор фактов, при котором события 40-х гг. XIII в. отнесены ко времени Ордена Меченосцев, а такие важные, но не выигрышные для изображения героической истории Ливонского Ордена события, как Ледовое побоище и поход русских в Эстонию на помощь восставшим крестьянам, вообще не нашли отражения в хронике. Вместе с тем, Герман поместил в хронику сообщения о ливонско-русских мирных переговорах, в рассказах о которых подчеркивается миротворческая роль Ордена. Представляет интерес рассказ хроники о переговорах 1371 г., более подробный, чем в русских источниках.

6. Сообщения хроник отличаются от русских летописей и трактовкой некоторых событий, упомянутых и в тех, и в других источниках. Причем совсем не всегда вариант, предлагаемый летописями, следует признавать более объективным. Особенно в случаях столкновения рыбаков на Чудском озере.

7. Сведения ливонских хроник отражают только военные аспекты контактов между Ливонией и Русью. Сообщения хроник по данной проблеме безусловно представляют научный интерес. Но они должны использоваться лишь с учетом того, что эта линия в повествовании хроник служит созданию исторического образа Ордена как основного проводника истинного христианства в Восточной Европе и форпоста на границе христианского мира. Только при условии работы с хрониками и в со-
ставле-

нии с критически оцененным русским материалом можно получить наиболее полное представление о ливонско-русских отношениях в XIV в.

И.Ф.МАКАРОВА

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕЕ СЛАВЯНСКОГО ЕДИНСТВА В
НАДГРОБНОМ СЛОВЕ МИТРОПОЛИТУ КИПРИАНУ ГРИГОРИЯ
ЦАМБЛАКА

Проблема отражения славянского единства в памятниках болгарской и русской средневековой литературы получает своеобразный аспект в Надгробном слове митрополиту Киприану Григория Цамблака, поскольку оказывается неразрывно связанной с принципиальной интерпретацией Слова и с решением проблемы родства между болгарским патриархом Евфимием (1375-1393), московским митрополитом Киприаном (1381, 1390-1406) и киевским митрополитом Григорием Цамблаком (1414-1419). Вслед за рядом русских дореволюционных историков (еп. Макарий, П.Сырку, А.Яцимирский) современные болгарские исследователи единодушны по вопросу их физического родства (Н.Дончева-Панайотова, В.Киселков и др.). Между тем еще в прошлом веке архим. Леонид и П.Соколов сомневались, что в Слове речь идет о родстве физическом, а не духовном. В наше время эта точка зрения была поддержана западногерманским профессором Й.Холтхузенем, который указал на литературный прототип Слова, а именно на Надгробное слово епископу Мелетию Антиохийскому Григория Нисского. Смысловая интерпретация Слова с позиции последней группы исследователей позволяет выявить в нем четко декларируемую, но своеобразно понимаемую идею болгаро-русского единства, разбор которой еще не нашел должного места в историографии.

Анализ показывает, что вся композиция Слова строится на риторическом противопоставлении болгарской и русской паствы (мы-вы), из которой первая - соотечественники Киприана, а вторая - его духовные чада. Главная мысль произведения - тождество духовного вероучителя паствы и ее истинного "родителя". Эта идея четко проводится Цамблаком и в отношении митрополита Каприана к русским - "не учителя

токмо, но и родителя, иже благодатию Пресвятого Духа вас породил, воспита же Евангелием, наказа же учением отеческим, упремудри господним страхом" и в отношении патриарха Евфимия к болгарам – "съ рождением нас отцем и учителем... сrete". Через это тождество определяется терминология Слова: отец (церковный иерарх), чада-сыновья (паства). Прямым логическим следствием этого является повторение мысли Григория Нисского о духовном родстве епископов и употребление для обозначения отношений между Киприаном и Евфимием термина брат. Таким образом выстраивается идеализированная картина семейства во Христе: Евфимий (отец) – болгары (чада), Киприан (отец) – русские (чада), Евфимий и Киприан – братья, а следовательно их духовные чада также. Мысль о духовном родстве болгар и русских оказывается кульминационной в Слове, это та мысль, к которой автор пытается подвести своих русских слушателей всей логикой произведения: "братия бо вам есмь отлучшии, понеже и отец ваш ... брат беаше нашему отцю. Сего ради егда веселяетесь вы, и мы слышаще, веселию вашему спричячахомся, и плачу вашему подобни есмь сообщници".

Эта духовная близость двух паств должна по мысли Цамблака усиливаться благодаря тому, что Евфимий и Киприан соотечественники. Духовные отцы-братья оказываются к тому же и братьями по этническому признаку. Говоря об этом, Цамблак безусловно преследовал политические цели, стремясь подчеркнуть свою близость к усопшему, однако мало вероятно, что он стал бы подчеркивать факт этнического родства, если бы не ощущал, также как его русская аудитория, этнической и культурной близости между двумя народностями.

В целом весь контекст и вся логика Слова вряд ли дают основания для интерпретации лексики родства в физическом, а не в духовном смысле. Об этом же свидетельствует и внеличностный контекст его прототипа – аналогичного сочинения Григория Нисского. Цамблак ставит целью не доказать свое физическое родство с Киприаном, а нарисовать идеализированную картину духовного единства – братства между болгарской и русской паствой.

По сути автор выходит на проблему болгаро-русского

единства, понимая ее в первую очередь как конфессиональную, осуществляемую через деятельность единоверных духовных отцов. Одновременно это единство как бы подкрепляется этническим родством иерархов, что, по мысли Цамблака, не безразлично в отношении их разноплеменной паствы. Если идея духовного единства всех православных народов византийского мира достаточно типична для славяно-византийской литературы XIV-XV вв., то мысль об особом характере болгаро-русского единства, хотя и в конкретном историко-литературном контексте, является уникальной среди памятников этого периода.

В.Д. НАЗАРОВ

ЯРЛЫК МЕНГЛИ-ГЕРАЯ 1472 Г. КАЗИМИРУ IV И
РУССКО-ЛИТОВСКО-ОРДЫНСКО-КРЫМСКИЕ ОТНОШЕНИЯ.

1. Ярлык крымского хана Менгли-Герая великому князю Литовскому Казимиру IV (ярлык он получил именно в качестве господаря Великого княжества Литовского, но не как польский король) впервые был издан в 1848 г. Публикация оказалась не вполне удачной даже по меркам того времени – издатель (Голенбиовский) допустил ряд произвольных сокращений, не везде сумел правильно прочитать текст и т.п. Это, а также расхождения в дате документа похиждре и от Рождества Христова, породили сомнения в подлинности документа (наиболее полно они суммированы и сформулированы Грушевским).

2. Позднее, однако, был обнаружен еще один список ярлыка, хранившийся в так наз. "теках Нарушевича". Он был опубликован Барвиньским с подведением разночтений по изданию Голенбиовского (последний использовал список, находившийся в так наз. "теках королевских"). В кратком введении Барвиньский справедливо подчеркнул весьма сложную историю текста ярлыка, включавшую перевод документа на язык канцелярии Великого княжества Литовского, последующую транслитерацию польским алфавитом (с частичным переводом?). Следует также учитывать, что между синхронным дате ярлыка переводом и изданным Барвиньским списком около трехсот лет и неизвестное число промежуточных списков.

3. Главный смысл документа, формуляр которых, как предполагают исследователи, в основных чертах сложился еще при Витовте и Сигизмунде Кейстутивиче, в отказе хана от взима-

ния налоговых поступлений с целого ряда древнерусских земель, входивших в состав Великого княжества Литовского. Перечень городов и местностей (?) насчитывает около полусотни названий и заслуживает специального детального исследования (конечно, с учетом уже проделанных наблюдений), особенно в сопоставлении с соответствующими разделами ярлыков Хаджи-Герая 1461 г. и Менгли-Герая 1507 г. Именно топонимы подверглись в ходе эволюции текстов наибольшим искажениям, сравнение же с названными документами позволяет в ряде случаев уточнить правильное написание.

4. В настоящем докладе наше внимание сосредоточено на других вопросах – датировке ярлыка и соотношении его главных новаций с характером изменений в сложном клубке международных отношений государств Восточной Европы.

5. Основная новость ярлыка Менгли-Герая – включение в сферу политического суверенитета Великого княжества Литовского Великого Новгорода и Рязанского "панства" с Переславлем "в головах" – "з землями, водами и с их городами, волостями, и со всеми пожитками и доходами". Если Новгород фигурировал в близком контексте в ярлыке Хаджи-Герая 1461 г., то упоминание Рязанского княжества в ярлыке Менгли-Герая является новостью.

6. В документе подчеркнута, что указанные пожалования последовали в ответ на просьбы литовского посольства. Его высокий уровень (во главе стоял член рады Великого княжества Литовского) подчеркивает то значение, которое придавали данному посольству и данному пункту правящие круги Литовского государства.

7. Хронология дипломатических контактов Казимира, установленная в литературе, позволяет датировать ярлык летом-осенью 1472 г.

8. Включение Новгорода неудивительно – вопрос о политической подчиненности Новгородской республики стал главным пунктом противоречий между Москвой и Вильно. Кратковременное наместничество на Городище кн. Михаила Олельковича вряд ли есть серьезные основания рассматривать как акцию, находившуюся вне русла официальной политики литовского правительства. Тем более, что по основным параметрам оно соответ-

ствовало нормам литовско-новгородского докончания 6979 г., которое также вряд ли следует относить к числу только проектов. Поражение "литовской партии" новгородской элиты в 1471 г. и казнь ряда ее вожаков отнюдь не означали исчезновение прслитовской ориентации в среде новгородских политиков. Эта тенденция сохранялась и бесспорно учитывалась в Литве.

9. Сложнее обстоит дело с Рязанью. Из более поздней документации известно о существовании докончания Казимира с великим рязанским князем Василием Ивановичем. Датировка докончания крайне затруднена, но не исключен период времени сразу же за отпуском рязанского князя с Москвы на Рязань в 1464 г. В любом случае, однако, в позднейших текстах нет ни прямых, ни косвенных указаний на политический сюзеренитет Литвы над Рязанью. Если в историческом плане данное место ярлыка Менгли-Герая явно перекликается с приоритетами "восточной политики" Витовта (ее цели, следовательно, жили в умах литовских политиков в 60-70-е гг. XV в.), то конкретные мотивы могут быть предположительно объяснены двояко. Во-первых, пограничными столкновениями в районе правобережья верхней Оки (об этом свидетельствуют не только более поздние отсылки в рязанско-литовских сношениях, но и предмет переговоров между Москвой и Вильно в 1474-1475 гг.), а, во-вторых, военно-стратегической важностью этих районов, выявившейся со всей наглядностью в период похода хана Большой Орды Ахмада на Московское великое княжество летом 1472 г.

10. Остается не вполне ясным, почему литовские политики настояли на включении Рязани в крымский ярлык в 1472 г., в период интенсивного сближения с рубежа 60-70-х гг. с ханом Большой Орды Ахмадом при том, что взаимная враждебность правителей Крыма и Большой Орды была абсолютным императивом любой международной ситуации. Более того, Рязань входила в сферу непосредственных интересов и традиционного суверенитета ордынских правителей (об этом, в частности, говорят походы на Рязань 1460 и 1467 гг.). Объяснение, видимо, заключается в том, что литовские политики произвели своего рода подстраховку, включив в пункт о своем суверенитете над названными государственными образованиями в традиционные

для них ярлыки, получаемые от традиционного партнера.

II. Относительно позднюю дату ярлыка (Менгли-Герай стал крымским ханом в первый или второй раз в начале 1469 г.) следует связывать с неустойчивостью его положения как правителя, что естественным образом усложняло и удлиняло дипломатические контакты (тем более получение ярлыка с новыми разделами). Здесь трудно усматривать прямую связь с неудачным для Литвы и Орды исходом похода Ахмада летом 1472 г.

12. Особый интерес ярлыка в 1472 г. заключается также в том, что он относится ко времени начавшейся переориентации (по крайней мере в выявлении новых возможностей) в московско-крымских и литовско-ордынских отношениях. Эти процессы, начавшиеся примерно в одно и то же время (в конце 60-х – начале 70-х годов) и завершившиеся в начале 80-х годов, впитавшие в себя более широкий контекст международной ситуации Восточной, Юго-Восточной Европы, Передней Азии, противоречиво отразились в самом факте выдачи ярлыка 1472 г. и его тексте.

Ю.Е.ИВОНИН

ГАБСБУРГИ И НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ХУ–ХVI ВВ.

Политику Габсбургов в отношении как славянских, так и неславянских (имеется ввиду Венгрия) народов Центральной и Юго-Восточной Европы следует рассматривать, во-первых, с точки зрения их собственных экспансионистских и универсалистских планов по отношению к этим народам, во-вторых, с учетом османской угрозы.

Общее стремление Габсбургов к созданию универсальной всеевропейской католической монархии проявилось и в их политике по отношению в странам и народам Центральной и Юго-Восточной Европы. Габсбурги с помощью политических соглашений и династических связей стремились сделать своим союзником Польшу, видевшую в Габсбургах союзников в борьбе против Швеции и Русского государства. Речь Посполитая опасалась за судьбу своих владений на Украине, которым угрожали крымские

татары и Османская империя, и поэтому она в лице Габсбургов видела своего естественного защитника от турецкой угрозы, тогда как Габсбурги видели в Польше своего первого союзника среди славянских земель Европы.

Что же касается чешских и моравских земель, здесь дело обстоит иначе. В результате династических комбинаций и гибели короля Людовика (Лайоша) II Габсбурги стали претендовать на чешскую и венгерскую короны. В результате политических акций чешские земли оказались под властью Габсбургов. Политика по отношению к Венгрии также диктовалась экспансионистскими планами. Следует также отметить, что во второй половине XV в. и венгерский король Матиаш Корвин пытался расширить свои владения за счет территории Габсбургов. Объективно эта борьба оказалась безуспешной, зато помешала организации похода против турок. Османская империя получила возможность для перегруппировки своих сил и подготовки и дальнейшей экспансии в Юго-Восточной и Центральной Европе. Стремление же Габсбургов удержать за собой не только чешские, но и венгерские земли способствовало тому, что большая часть венгерского дворянства поддержала Яноша Запольяи. В результате сопротивление туркам было ослаблено, и большая часть Венгрии оказалась под их вла

С. И. МУРТУЗАЛИЕВ.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРИСТИАН В "ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦИИ" XV-XVI ВВ.

Рассматривая права христиан "на основании коренных законов ислама", во второй части своего исследования Гиргас обращается и к вопросу о правах христиан в "Европейской Турции" XV-XVI в.

Наша задача заключается в сопоставлении взглядов ученого с новыми материалами по данной проблематике.

Утверждение Гиргаса о передаче Мехмедом II патриарху Георгию Схоларию фирмана с обещанием сохранения церквей и свободы вероисповедания не подтверждается официальными источниками XV в.

Говоря о "назначении султаном за утверждение на патриаршем престоле" "1000 червонцев", Гиргас допускает неточность.

Определение имарета как "богоугодного заведения, где бедные получают пищу" далеко не отражает его (имарета) сущности.

Гиргас придерживается тезиса о "кровожадности" Селима I, которой объясняет его намерение "истребить всех христиан Турецкой империи". Но причины недовольства султана болгарями—"народом непокорным"—подробно излагались уже в научных трудах современников

Ошибкой Гиргаса являлось мнение, что канун-наме появились якобы лишь при султане Сулеймане I (1520-1566). Современной наукой установлено, что первые канун наме стали составляться еще в XV в. при Мехмеде II.

Г. М. КОВАЛЕНКО

К ИСТОРИИ ШВЕДСКОГО ПОСОЛЬСТВА
1569-1572 ГГ.

Важным источником по истории международных отношений и внешней политики Русского государства являются статейные списки русских посольств. Не меньшую ценность представляют отчеты о посольствах в Россию, составленные иностранными дипломатами. Они позволяют взглянуть на межгосударственные отношения глазами другой стороны, уточнить или дополнить наши представления по тому или иному вопросу.

Значительный интерес в этом плане представляет "Рассказ о посольстве в Россию" финляндского епископа Павали Юстена, известный исследователям по краткому пересказу Ф. Аделунга. Судьба возглавляемого им посольства была не совсем обычной с точки зрения международного дипломатического права, одной из норм которого (экстерриториальность посла и его свиты) подчинялась обычно и русская дипломатическая практика. Члены посольства были интернированы и провели больше года в ссылке в Муроме.

В качестве единственной причины такого обращения с послами шведского короля называется, как правило, желание царя отомстить за оскорбления, которым подверглись члены посольства И. М. Воронцова (1567-1569 гг.) в Швеции. Сочинение Юстена позволяет установить еще одну не менее важную причину - нарушение шведской стороной русского посольского обычая, согласно которому все переговоры со Швецией велись новгородскими наместниками, а заключенные договоры печатать и крестным целованием скреплялись в Новгороде. Как явствует из Сочинения Юстена, шведские послы отказались вести переговоры с новгородским наместником, заявив, что в полу-

ченной ими королевской инструкции нет предписания вести переговоры с новгородским наместником, поскольку они посланы к самому царю. Следует отметить, что первым нарушил традицию Иван IV, когда он, "вопреки обычаям прежних правителей соизволил в Москве целовать крест" (имеется в виду подписание договора между Россией и Швецией в феврале 1567 г.), а Юхан III решил сделать это нормой.

Таким образом посольство Юстена было одной из попыток шведской дипломатии ликвидировать обычай, унижавший королевскую власть и подрывавший ее международный авторитет, и установить прямые дипломатические связи с Москвой, минуя Новгород. Со своей стороны Иван IV, ревностно относившийся к соблюдению норм дипломатического этикета и упорно не желавший считать шведского короля равным себе государем, отрицательно отреагировал на эту попытку и пошел на нарушение норм международного права и дипломатический конфликт, осложнивший и без того напряженные после переворота 1568 г. отношения со Швецией.

С.Н.ПЛОХИЙ

КОНГРЕГАЦИЯ ПРОПАГАНДЫ ВЕРЫ И УНИАТСКИЕ МИССИОНЕРЫ НА ЮГОСЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ ХУП В.

Конгрегация пропаганды веры (КПВ) была создана папой Григорием XV в 1622 году. В компетенцию этого органа римской курии было передано руководство всей миссионерской деятельностью католической церкви, а сама конгрегация была наделена исключительными правами. В ведение КПВ перешла и униатская церковь, возникшая на украинских и белорусских землях Речи Посполитой после заключения Брестской унии 1596 года. К моменту создания КПВ униаты и их церковная организация находились в кризисном положении, ввиду чего на заседаниях конгрегации встал вопрос о целесообразности сохранения унии вообще. Высказывались мысли о большей эффективности прямого обращения "схизматиков" в католицизм, минуя унию. Только поддержка Григория XV и будущего папы Урбана VIII спасла униатов. Именно последнему принадлежали слова: "О, мои русины,

через вас я надеюсь обратить восток". Папа в первую очередь имел в виду православное население Русского государства, а также Габсбургской и Османской империй. Если после провала авантюры Лжедмитрия курия не испытывала особых иллюзий в отношении Москвы и Ю.Крижаничу приходилось добиваться осуществления своей миссии. Туда при полном безразличии КПВ, то югославянские земли, входившие в состав империи Габсбургов, представляли, по мнению кардиналов, более легкую добычу.

Уже в первой четверти XVII века внимание курии привлекли православные валахи, или усюки, как их также называли, бежавшие в свое время от преследования турок и осевшие на территории загребской католической епархии у горы Фелетрио. Конгрегация впервые обсуждала вопрос о валахах на заседании 17 октября 1628 года. Тогда и было решено направить к горе Фелетрио для знакомства со сложившейся там религиозной ситуацией воспитанника венского папского коллегиума Мефодия Терлецкого. Уже 23 марта 1629 г. КПВ заслушала отчет Терлецкого о его поездке, где были указаны вероисповедальные "ошибки" валахов. К отчету была приложена самодеятельная карта посещенных Терлецким мест. Кардиналы решили направить Терлецкого к валахам еще раз, теперь уже в качестве миссионера. Отчет об этой поездке Терлецкий отправил конгрегации 31 января 1629 г., упомянув, что возвращается на Русь, чтобы запастись необходимыми книгами и привлечь для миссионерства других униатов. Отчет был одобрен кардиналами 15 апреля 1630 г. Терлецкий же уехал на Украину, где в 1630 г. был назначен холмским епископом и вновь посетил югославянские земли только в 1644 году.

Между тем, КПВ продолжала практику использования украинских и белорусских униатов для миссионерской деятельности на Балканах. В 1631 году (27.Ш) конгрегация решила просить униатского митрополита Руси направить двух миссионеров на территорию подвластной османам Венгрии. В июне 1633 года конгрегация решила назначить коадьютором к престарелому епископу валахов "русина" Никифора Лосовского, выпускника Греческого коллегиума, которому было тогда 25 лет. Вскоре император дал согласие на это назначение.

В середине 40-х гг. у горы Фелетрио вновь побывал Терлецкий. Фанатичный сторонник унии, он, находясь на холмской епископской кафедре, насильно навязывал православным униатство, что приводило к постоянным конфликтам с местной украинской шляхтой и крестьянами, поссорился он и с местным католическим епископом. В 1643 году Терлецкий отправился в Рим для решения ряда вопросов, связанных с управлением подвластной ему епархии. В Холм Терлецкий возвращался через Вараждин, где встретил Юрия Крижанича, о чем свидетельствует датированное январем 1644 года письмо Крижанича КПВ и написанное в апреле того же года письмо Терлецкого некоему Филиппу. Как известно, Крижаничу так и не удалось уехать вместе с Терлецким в Холм, хотя молодой миссионер страстно желал этого.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют составить достаточно полное представление о масштабах и методах использования КПВ украинских и белорусских униатов для миссионерской работы на югославянских землях. Если учесть, что эта деятельность проводилась в тех местах, откуда происходил Юрий Крижанич, нет сомнения, что охарактеризованные выше церковные контакты восточных и южных славян были частью того общекультурного фона, на котором формировался интерес молодого Крижанича к далекой России.

Б.Н.ФЛОРИЯ

К ИСТОРИИ ПЕРЕГОВОРОВ О РУССКО-ПОЛЬСКОМ АНТИ-ОСМАНСКОМ СОЮЗЕ В СЕРЕДИНЕ 40-х ГГ. XVII В.

История этих сравнительно непродолжительных и не завершившихся крупными результатами переговоров не случайно уже в XIX в. привлекала к себе внимание исследователей. Эти переговоры явились проявлением новых тенденций в политике двух славянских государств, развитие которых привело к концу XVII в. к вступлению России и Речи Посполитой в состав большой антиосманской коалиции — "Священной лиги".

В отличие от польских ученых русские и советские исследователи мало интересовались содержанием этих переговоров, а использование русских архивных материалов позволяет существенно уточнить и дополнить ту картину контактов, ко-

торая была обрисована в фундаментальной работе В.Чермака, не располагавшего этими источниками.

В настоящем сообщении будут затронуты лишь два вопроса: 1) о целях, которые преследовало русское правительство вступая в переговоры; 2) как отразились на развитии переговоров внутривосточные противоречия в Речи Посполитой.

Для ответа на первый вопрос следовало бы предварительно выяснить, каковы были конечные цели обширных военных приготовлений, предпринятых русским правительством зимой-весной 1646 г. Важный свет на эту сторону дела проливают письма молдавского господаря Василия Лупу, основанные на сообщениях его агентов в России. В этих письмах цель войны со стороны русского правительства определяется, как "полное разрушение всего Крыма" (*rovina totale di tutto Crin*), "уничтожение Крыма" (*esterminio del Crin*) и сообщается, что это решение царя получило единодушное одобрение "всех вельмож государства, архимандритов и игуменов и всех остальных" (на Земском соборе ?).

Эти сообщения молдавского господаря получают веское подтверждение в таком документе, как "тайный наказ великому московскому посольству во главе с В.Стрешневым, отправленному зимой 1646 г. в Польшу для подтверждения Поляновского договора. Послы получили полномочия обсудить не только вопрос о совместных наступательных действиях против Крыма, но и "будет над Крымом учинитца одоление, и тот крымской юрт как обоим великим государем вперед держать и как промышлять, чтоб вперед на крымском юрте татаром поселитца не дать". Таким образом, целью войны было действительно уничтожение Крымского ханства, что, конечно, было невозможно без конфликта с самой Османской империей.

Из-за неблагоприятной позиции Сената, заявившего, что Речь Посполитая должна соблюдать заключенный с османами мир, и не согласившегося даже дать разрешение запорожцам войти на Черное море для совместных действий с донцами, до обсуждения указанных вопросов дело не дошло, и возможности, открывавшиеся в середине 40-х гг. XVII в. с решительным поворотом русского правительства к антиосманской политике, не были использованы.

Позиция Сената является еще одним из дополнительных свидетельств в пользу того общеизвестного положения, что планы войны с Османской империей и Крымом, выдвигавшиеся в 1645–1646 гг. королем Владиславом IV и группой связанных с ним магнатов, встретились с решительным противодействием и значительной части магнатории и широких кругов шляхты. В течение всего 1646 г. этот вопрос был предметом острой политической борьбы. Отразилась ли эта борьба на развитии русско-польских контактов этого времени ?

Уже В.Чермак поставил вопрос, что в этой борьбе поддержка со стороны московского правительства военных планов Владислава IV могла существенно укрепить его положение. Поэтому исследователь полагал, что не имея возможности действовать официальным путем, через враждебных войне сенаторов, Владислав IV должен был искать неофициальных контактов с русскими политиками. Необходимость таких контактов стала для него особенно острой, когда весной 1646 г. Владислав IV начал вербовку войск для войны, не считаясь с оппозицией сословий. В.Чермак не располагал данными, которые могли бы подкрепить его гипотезу. Между тем такие данные имеются.

Как видно из материалов посольства В.Стрешнева, 18 апреля 1646 г. послов посетил польный гетман Великого княжества Литовского Я.Радзивилл, в то время один из наиболее близких советников Владислава IV, сообщивший им, что, по мнению короля, вести борьбу с Крымом невозможно, не пресекая попыток султана оказать помощь ханству. Поэтому Я.Радзивиллу поручено собрать войска идти против османов к "Волосской границе", где его войска должны соединиться с войсками императора, правителей Трансильвании и Дунайских княжеств.

Попытка Владислава IV таким путем интенсифицировать переговоры и побудить русское правительство к новым политическим шагам для сближения с Речью Посполитой против османов не увенчалась успехом. В Москве, разумеется, не осталась незамеченной разница между высказываниями Я.Радзивилла и позицией Сената, но, не зная внутреннего положения в стране, здесь расценили это как неустойчивость общей позиции польско-литовского правительства ("неведомо чему верить,

что слова их переменны и непостоянны").

Следующая попытка Владислава IV повлиять на русское правительство связана с деятельностью Ю.Илича, посла, отправленного польским королем в Иран для заключения антиосманского союза с шахом, в конце сентября 1646 г. Посол, рекомендованный В.Стрешневу Я.Радзивиллом, несомненно, принадлежал к близкому окружению короля и выполнял его поручения. В королевской грамоте сообщалось, что он, "не сохраняючи того большого дела до далшой поры", "без проволоки" посылает "большую рать" против татар и приказал запорожским казакам "отпереть Днепр", чтобы вместе с русскими войсками идти на Крым, татар "со всех крымских ыртвов сносити и до конца разорити". Король желал, чтобы и царь скорее отправил войска на татар. Посланник добавил к этому, что сейм, собранный в октябре 1646 г., созван для организации войны "против общих неприятелей", что на Украине королем уже собрана 20 тыс. наемная армия, что заключен союз "на поганцев" с императором, испанским королем и Венецией. Верхом всего было утверждение, что "христианские государи на турского соединились все", а Владислава IV "выбрали генералом", т.е. главнокомандующим. Все это совсем не соответствовало действительности. К осени 1646 г. Владислав IV не располагал ни союзниками, ни сильной армией, ни поддержкой господствующего класса Речи Посполитой: уже на собранных в сентябре сеймиках политика короля подверглась самой серьезной критике. С помощью фальшивых сообщений Владислав IV хотел побудить русское правительство к решительным антиосманским действиям, что улучшило бы его положение в борьбе с политическими оппонентами. Проявившиеся в действиях такого рода элементы авантюризма, характерные для ряда политических проектов Владислава IV, не способствовали успеху миссии Ю.Илича. Высказывания его вызвали недоверие русских политиков, твердо решивших подождать приезда "великих" послов Речи Посполитой, которых должен был назначить сейм.

Со своей стороны, противники королевских планов были заинтересованы в том, чтобы об истинной позиции магнатов и шляхты узнали в Москве и отказались от поддержки антиосманских планов Владислава IV. Вероятно, неслучайно, когда в но-

ябре 1646 г. в Варшаву был отправлен, чтобы узнать о результатах работы сейма, гонец Г.Кунаков, то именно официальное лицо – писарь литовской канцелярии Казимир Монтримович – сообщил ему, что на сейме "де... от панов-рад и ото всей Речи Посполитой... на короля шум был большой з бесчестьем". Сейм заставил короля распустить собранные им для войны с османами наемные войска, "а которые, де, немцы, того сеймового уложенья ослушаутца... и тех приговорили побивать". Он же сообщил, что сейм не пожелал возместить королю расходов на вербовку войск. Одновременно Кунакова информировали о том, что Венеция не выполнила своих обязательств и не прислала субсидий для ведения войны с османами.

Несмотря на эти обстоятельства во время переговоров с великим послом Речи Посполитой А.Киселем в сентябре 1647 г. русская сторона, как показал А.А.Новосельский, снова подняла вопрос о наступательном союзе против татар, ("чтоб, соединясь, и, собрався, итти на Крым впрямь"). Однако, посол, снова вернувшись к событиям сейма 1646 г., откровенно разъяснил, что шляхта не согласится на войну, которая могла бы вовлечь страну в конфликт с Османской империей. В итоге скрепленные подписью "великого" посла "договорные статьи" представляли собой соглашение о совместной обороне обоих государств от татарских набегов, что не соответствовало ни первоначальным русским планам, ни планам Владислава IV и поддерживавших его группировок господствующего класса Речи Посполитой.

Ю.А.МЫЦК

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ УКРАИНСКОГО НАРОДА 1648–1654 ГГ.

История освободительной войны украинского народа 1648–1654 гг. нашла отражение в большом количестве (св. 1000) источников, созданных в ходе внешнеполитической деятельности ряда европейских государств (Россия, Украина, Речь Посполитая, Османская империя, Крымское ханство, Австрия, Франция, Швеция, Молдавия, Валахия, Трансильвания, Пруссия, Венеция, а также Ватикан). Этот крупный и разнообразный комплекс

источников официального происхождения можно классифицировать следующим образом, разделив на 5 групп: 1) международные договоры и соглашения; 2) межгосударственная переписка; 3) дипломатические инструкции; 4) записи международных переговоров; 5) посольские отчеты и донесения. В количественном отношении эти группы весьма неравномерны: от нескольких источников (1-я группа) до нескольких десятков (3-я и 4-я группы) и даже сотен источников (2-я и 5-я группы).

Источники 1-й группы (статьи Зборовского и Белоцерковского договоров, Переяславского и украинско-турецкого соглашения, "Мартовские статьи" 1654 г., статьи договоров между Речью Посполитой и Крымским ханством 1649 и 1654 гг.) сохранились почти полностью. Исключение составляет польско-крымское соглашение от 17.XII.1653 г., которое, вероятно, было устным. Почти все указанные источники, за исключением договоров между Речью Посполитой и Крымом, изучены довольно хорошо, хотя отдельные выводы требуют корректив. Договор 1649 г. засвидетельствовал хищнический характер внешней политики Крымского ханства, стремление последнего воспользоваться плодами поражения Речи Посполитой в Зборовской битве прежде всего в своих интересах. Вместе с тем, он служил, хотя в значительной степени лишь формально, гарантом Зборовского мира повстанцев с Речью Посполитой, укрепил внешнеполитическое положение гетманской администрации. Договор 1654 г. представляет собой военный пакт Речи Посполитой и Крымского ханства, направленный против воссоединенных России и Украины. Этот договор имел реакционное значение, т.к. затормозил процесс воссоединения всех украинских земель в составе Российского государства, причинил немалый ущерб русским и украинским землям.

Среди межгосударственной переписки первостепенное значение имеет комплекс посланий представителей гетманской администрации (342 документа), а также ответные послания представителей правящих кругов и дипломатического корпуса ряда стран. Они наглядно свидетельствуют о значительной интенсивности русско-украинских политических связей, их ведущей роли в системе отношений гетманской администрации с другими государствами и народами. Остальная часть межгосударственной

переписки имеет лишь вспомогательное значение, хотя и позволяет получить более полное представление о политической ситуации в Европе середины ХУП в., о международном значении Освободительной войны.

Дипломатические инструкции представлены источниками двух подгрупп: собственно инструкциями ("наказами") и кондициями, различающимися по назначению и степени секретности. Они сохранились в незначительном количестве (43 документа), если не считать писем-инструкций. Несмотря на то, что наиболее секретные сведения часто не вносились в эти документы, т.к. передавались послам в устной форме, именно данная группа дипломатических источников позволяет получить наиболее точное представление о целях конкретных посольств, определить классовый характер и направленность внешней политики гетманской администрации и ряда государств Европы.

Записи переговоров можно разделить на 4 родственные подгруппы: 1) записи проекта приема посольств; 2) записи о состоявшихся приемах посольств; 3) записи посольских речей и рассказов; 4) записи хода переговоров. В целом, записи переговоров являются источником вспомогательного значения и к тому же характерным для дипломатической практики лишь России и, в меньшей степени, Речи Посполитой. Так, источники данной категории, созданные в Речи Посполитой в середине ХУП в., представлены лишь двумя документами: 1) запись русско-польских переговоров в Варшаве (20-28.Ш.1650 г.); 2) запись польско-турецких переговоров, которые велись между дипломатом Речи Посполитой Н.Бегановским и силистрийским пашой Сияушем (4-5.Ш.1654 г.); Кроме того, особо следует отметить запись речи крымского посла Капыджи во время его аудиенции у великого визиря Османской империи 13.УШ.1651 г., переведенную на польский язык и пересланную в Варшаву агентами Речи Посполитой. Здесь была зафиксирована точка зрения правящих кругов Крыма на результаты Берестецкой битвы 1651 г., которые объявлялись успешными для ханства. В целом, указанная группа источников имеет второстепенное значение, однако позволяет отчасти компенсировать пробелы иных групп, прежде всего в той части, где речь идет о русско-украинско-польских дипломатических контактах.

Особенно многочисленными источниками по истории Освободительной войны являются политические отчеты и донесения. Так, только ватиканские нунции Д.Торрес и П.Видони создали в 1648–1654 гг. несколько сот донесений, шведские резиденты в Москве К.Поммеринг и И. де Роде за еще меньший период времени – более ста. К сожалению, почти не сохранились источники данной группы, созданные повстанческими и крымскими дипломатами. Уникальным является обнаруженный в ЦГАДА (ф.79, оп.1, 1654 г., № 15, лл.5–13) отчет Б.Хмельницкому послов в Крым М.Богаченко, Л.Пухальского, Залепкаря от 26(16).X.1654. Весьма большое значение имеют статейные списки русских послов, донесения и отчеты послов Речи Посполитой к повстанцам (А.Кисель, В.Мясковский, Н.Смяровский и др.), в Крым (Ст.М.Яскульский), а также ватиканских нунциев. Донесения дипломатов Австрии, Бранденбурга, Швеции и некоторых других государств имеют второстепенное значение, в них особенно часто встречаются ошибки и неточности.

Дипломатическая документация европейских государств нуждается в критической проверке. Особенно это относится к документации, созданной в лагере феодальной реакции, которая весьма тенденциозно освещает историю Освободительной войны.

Г.А.САНИН

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И УКРАИНЫ С КРЫМСКИМ ХАНСТВОМ В СЕРЕДИНЕ ХУП В.

В середине ХУП в. перед Россией стояли три внешнеполитические задачи; воссоединение Украины и Белоруссии с Россией; отвоевание выхода в Балтийское море; борьба за обеспечение безопасности южных границ от набегов Крымского ханства. После Переяславской рады 1654 г. центральной задачей становится борьба за закрепление воссоединения. Борьба эта шла не только против Речи Посполитой, но и против Крымского ханства, отношения с которым следует рассматривать в русле единой внешнеполитической линии России и Украины.

Основной задачей русских и украинских дипломатов было признание ханом воссоединения Украины с Россией и вовлечение его в союз против Речи Посполитой, либо сохранение нейтралитета в русско-польской войне. С предложениями нейтралитета выступают российские посланники, дипломаты Украины продолжают обсуждать вопрос о союзе и делается это с ведома и поощрения русского правительства.

Цели внешней политики ханства были более сложными, чем при-

митивный грабеж соседей. Главной целью был захват украинских земель. В первые месяцы после Переяславской Рады этот захват еще маскировался требованием вернуть Украину Речи Посполитой. После того, как в 1655 г. положение Яна Казимира становится почти безнадежным под ударами русских, украинских и шведских войск, ханство перестает маскировать свои требования.

Украинские земли нужны были крымским феодалам не только как объект дани и грабежа. Овладение этими землями, либо возвращение (временное!) в состав Речи Посполитой открывали возможность обойти с запада Белгородскую оборонительную черту и ударить с тыла по хорошо защищенным давно уже не знавшим татарских вторжений русским землям.

Воссоединение Украины и Белоруссии с Россией оказало весьма заметное влияние на ход военных действий против крымских татар, сделало эти действия более активными. Основные удары Крымское ханство наносит на широком пространстве от устья Днепра до Днестра. Нападения в районе Белгородской засечной черты носят второстепенный характер. Возрастают и силы, противостоящие агрессии ханства: теперь это объединенные силы украинского, белорусского и русского народов, силы калмыков.

Меняются и принципы борьбы. С 1654 г. военные действия против татар опираются на хорошо укрепленную Белгородскую оборонительную черту, где постоянно несет службу специально назначенный корпус русских войск. Территория Украины как-бы включается в систему предпольных укреплений Белгородской черты. Объединенными силами создается целая сеть опорных пунктов, вся граница от Полтавы до Днестра перекрыта цепью легких дозоров и расположенными вдоль нее казачьими полками, крупные гарнизоны состоят из русских отрядов.

Если ранее преобладала в основном оборонительная тактика, то уже в 1655 г. планируется крупный поход на Крымское ханство. Осуществить этот поход, правда, не удалось, но в 1657 г. объединенные русско-украинские отряды доходят до устья Днепра и Днестра и здесь наносят поражение татарам. Возрастают активность казачьих походов на Крым. Эти походы, скоординированные с действиями основных сил, создавали постоянную угрозу тылу крымских ханов, сковывая их силы, вынуждали длительное время держать на полуострове или у Перекопа значительные татарские отряды.

Полное представление о месте и значении отношений с Крымским ханством возможно лишь при учете международного положения России и Украины в середине ХУП в. Начавшаяся в 1656 г. русско-шведская война фактически привела Россию в состояние международной изоляции и осложнила отношения с Крымом. Русские дипломаты продолжали выступать против союза Речи Посполитой с Крымом, направленного на захват Украины, но теперь они не могли делать это открыто, т.к. Речь Посполитая формально являлась их союзницей против Швеции.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что в 1654–1657 гг. произошло закрепление исторического акта воссоединения Украины с Россией. Несмотря на открытые притязания магнатства и хана на украинские земли, этого им не удалось сделать ни в 1657 г., ни в последующем. Таким образом, уже в 1657 г. в результате упорной военной и дипломатической борьбы, процесс воссоединения Украины с Россией принял необратимый характер.

И.В.ГАЛАКТИОНОВ

ПРОБЛЕМА РУССКО-ПОЛЬСКОГО СОЮЗА В ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ А.Л.ОРДИНА-НАЩОКИНА

1. Третья четверть ХУП в. в истории русско-польских отношений занимает особое место, являясь переломным моментом во взаимоотношениях двух соседних стран. Россия, опираясь на свой возросший экономический и военный потенциал, сделала крупный шаг к своему зениту, и, победив в тяжелой тринадцатилетней войне Польшу, стала ведущей силой среди государств Восточной Европы. Напротив, Польша, ослабленная народным восстанием на Украине, феодальными распрями внутри страны и длительными войнами с соседями, медленно, но неуклонно шла к упадку, и, уступив пальму первенства России, отошла на второй план среди восточно-европейских держав. Именно в эти годы наметился перелом в характере взаимоотношений между Россией и Польшей: длительный период конфронтаций и войн сменился настойчивыми поисками путей сближения и попытками совместной защиты своих интересов на международной арене. Инициатором и настойчивым проводником этой линии внешней политики России в отношении своего западного соседа был А.Л.Ордин-Нащокин.

2. Идея русско-польского союза, выдвинутая и глубоко обоснованная русским дипломатом, до сих пор мало изучена. В дорево-

люционной историографии господствовало представление о врожденном чувстве ненависти двух соседних народов друг к другу (Шуйский И.), о непримиримости их интересов, predetermined различием религий (Соловьев С.М.).

В последние годы в советской историографии сложился иной подход к исследованию взаимоотношений двух сопредельных стран: в трудах Грекова И.Б., Копреевой Т.Н., Чистяковой Е.В., Санина Г.А., Заборовского Л.В., наряду с выяснением противоречий между двумя странами, акцент сделан на проблемы и явления, которые сближали Россию и Речь Посполитую, подталкивали их к совместным действиям на международной арене.

3. На рубеже 40-50-х гг. XVII в. объективный ход истории породил два варианта взаимоотношений России и Польши. Один из них был связан с усилением турецко-татарской агрессии на юго-востоке европейского континента и диктовал необходимость русско-польского сближения. Попытки выработать принципы сотрудничества, предпринятые русскими и польскими дипломатами в 1646-1647 гг., не увенчались успехом.

Второй вариант - династический - зародился в годы национально-освободительной войны на Украине. Его центральным звеном было стремление получить в руки царя или его сына польскую королевскую корону. Династическая идея, носителем которой была боярская группировка при царе Алексее, а настойчивым исполнителем - Н.И. Одоевский, не предусматривала равенства сторон и в силу этого была обречена на неудачу.

Горький опыт войны на два фронта убедил А.Л.Ордина-Нащокина в необходимости искать примирения с Польшей на основе территориального компромисса и союза для борьбы с общими врагами: Швецией на севере, и на юге с Крымом и Османской империей.

4. Тайная миссия во Львов в 1662-1663 гг. ко двору польского короля Яна Казимира - заметный рубеж в истории русско-польских отношений и крупное событие в служебной карьере дипломата. При подготовке миссии осенью 1662 г. А.Л.Ордин-Нащокин убедил царя и Боярскую думу положить в основу переговоров не борьбу за королевский престол, а союз двух стран для борьбы с общими врагами. Во Львове дипломат, облеченный полномочиями "великого посла", дал развернутую аргументацию выгоды для Речи Посполитой союза с Россией: будет остановлена агрессия со стороны Швеции и

Бранденбурга, а захваченное будет возвращено; прекратится угроза со стороны Крымского хана и турецкого султана и Польше не надо будет платить дань хану в виде "ломинок". Крымский хан, убеждал А.Л.Ордин-Нащокин польских государственных деятелей, "рад будет без шкоды дружбу держать и отдален будет великим страхом от тех обоих государств для их союзу".

Готова была Россия оказать денежную помощь Речи Посполитой, чтобы "успокоить войска и всяких жилецких людей добрым и крепким вечным успокоением", если будет заключен союзный договор между ними.

Но король и сенаторы отклонили условия России, потребовали восстановления Поляновского договора, и, проявив удивительную близорукость, не приняли во внимание предостережение русского посла об обобщоопасной турецко-татарской угрозе.

5. Вторая попытка А.Л.Ордина-Нащокина добиться реализации русско-польского союза на условиях равенства сторон при условии территориального компромисса была предпринята дипломатом в Москве. Когда царь и Боярская дума ознакомились с 33 пунктами его доклада, поданного накануне переговоров с Польшей, они увидели в этих статьях ущемление интересов России и отклонили их под тем предлогом, что "союз - превеликое и богоугодное дело и всего света любовь и радость, только о том с твердым рассуждением и с великим подкреплением наказав, великих и полномочных послов отпустим по времени".

Не согласились на союз и польские комиссары во время переговоров в Мигновичах летом 1664 г., настаивая на восстановлении предвоенных границ.

6. В конце 1667 г., когда резко изменилась международная обстановка: крымский хан перешел в наступление против Речи Посполитой, прорвав заключенный с ней в 1654 г. союз, а гетман правобережья Украины П.Дорошенко стал вассалом турецкого султана, когда осложнились отношения между придворной группировкой короля Яна Казимира и другими группировками магнатов, в ходе андрусовских переговоров А.Л.Ордину-Нащокину - главе русской делегации - удалось внести с текстом договора о перемирии 3 статьи (18, 19 и 30), декларировавшие заключение русско-польского союза.

7. Андрусовский договор 1667 г. о перемирии следует рассматривать как декларацию русско-польского союза, как принципиаль-

ное согласие сторон на совместные действия против общих врагов. В нем было определено качество соединяемых сил, указано место их действий, противник, с которым предстояло сражаться. Договорились также не вести сепаратных переговоров с противником. Больше того, в тексте договора мы находим первые намеки на создание общеевропейской антитурецкой коалиции. По инициативе А.Л.Ордина-Нащокина, настойчиво стремившегося придать русско-польскому соглашению характер международного акта, послы условились включить его текст в текст будущего договора о "вечном" мире и пригласить иностранные державы к совместному выступлению против "бусурман".

С. А.Л.Ордину-Нащокину не удалось в полной мере реализовать русско-польский союзный договор из-за сопротивления боярской оппозиции в Москве и своеобразного толкования условий соглашения польской дипломатией, которая пыталась направить русское оружие не против турок и татар, а против казаков Украины. Не удалось ему также расширить русско-польский союз за счет привлечения европейских стран. Эту его идею русское правительство пыталось реализовать в начале 70-х гг. ХУП в., уже после отставки дипломата с поста главы Посольского приказа.

Н.Н.МАКСИМОВ

ИДЕЯ АНТИОСМАНСКОГО СОЮЗА В ПРАКТИКЕ РУССКОЙ ДИПЛОМАТИИ В НАЧАЛЕ 70-Х ГОДОВ ХУП В.

1. Идея создания антиосманского союза жила в планах государственных и политических деятелей Европы в течение целого ряда веков. Во второй половине ХУП столетия вследствие турецко-татарского вторжения на Украину эта проблема встала во весь рост и перед Россией. Между тем проблема создания такого союза и осмысление значения русских посольств в Европу и Иран получили в русской дореволюционной, советской и иностранной исторической литературе недостаточное отражение, и, главное, неоднозначную оценку. Выяснить задачи и результаты дипломатической компании, предпринятой русским правительством в начале 70-х годов ХУП века ставит автор целью данного сообщения.

2. Третья четверть ХУП столетия характеризуется существенными изменениями в расстановке сил на международной арене. На

западе Европы началась эпоха интервенционистских войн Франции Людовика XIV. Османская империя переживала период непродолжительного подъема, возобновив борьбу за господство в Восточном Средиземноморье и угрожая захватом Венгрии и Украины. На Востоке континента в результате тринадцатилетней русско-польской войны Левобережная Украина и преобладание в регионе перешли к России.

3. Гетман П.Дорошенко и казацкая старшина оставленной за Речью Посполитой Правобережной Украины в надежде реализовать свое стремление к фактической самостоятельности края предприняли попытку опереться на могущественную, но сравнительно далекую Османскую империю. В погоне за призрачной независимостью они вступили в турецкое подданство. Это в равной степени беспокоило правительства обоих восточноевропейских государств России и Польши. Стремление России мирными средствами решить украинский вопрос не увенчалось успехом. Русские посольства в Турцию в 1667-1669 годах не достигли поставленных целей: угроза турецкого вторжения на Правобережную Украину усилилась. В этих условиях предусмотренное Андрусовским договором русско-польское военное и политическое сотрудничество в отражении растущей агрессии с юга с привлечением к союзу и посредничеству в дальнейших переговорах ведущих государств Европы получило дальнейшее развитие в двухсторонних соглашениях 1670 и 1672 годов.

4. Таким образом, на рубеже 60-70-х годов XVII века во внешней политике России произошел решительный поворот. С этого времени Русское государство сосредоточило основные усилия на решении южной проблемы. С той, однако, важной оговоркой, что ее положительное решение было немислимо без тесного взаимодействия с соседней Речью Посполитой.

5. Накануне польско-турецкой войны русское правительство, выполняя обязательства перед союзницей, предприняло дипломатическую атаку против Порты с целью воспрепятствовать разгрому Речи Посполитой. Одновременно оно отдало приказ Войску Донскому начать военные действия на азовском направлении, вступив тем самым фактически в войну с Османской империей.

6. Летом и осенью 1672 года, используя идею А.Л.Ордина-Нащокина о расширении политико-экономических связей с другими государствами, русское правительство направило посольства А.Приклонского и Ф.Возницына, П.Менезия, А.Виниуса и Е.Украинцева

соответственно в Иран, Бранденбург, Саксонию, Австрию, Венецию, Рим; Англию, Францию, Испанию; Швецию, Данию и Голландию с призывом выступить совместно с Речью Посполитой и Россией против Османов. В целом русская дипломатия ставила перед собой задачу организации антитурецкой коалиции с участием крупнейших государств Европы, которые бы одновременно явились гарантами существующих русско-польских границ и посредниками в заключении "вечного мира" между Россией и Польшей.

7. Параллельно польская дипломатия также предприняла попытку склонить Иран к выступлению против Турции. Однако тяжелое внутреннее положение страны заставило шахское правительство отказаться от наступательной войны.

8. Посольство П. Менезия не было успешным в силу сложной обстановки в Европе, вызванной агрессивной политикой Франции. Заинтересованность в русском предложении проявил лишь Бранденбург. Остальные государства, не высказываясь вполне определенно, заняли выжидательную позицию.

9. Не оправдала возлагавшихся надежд и поездка А. Виниуса. Франция, также как и Англия, сославшись на занятость в войне, отказали в помощи Речи Посполитой. Находившаяся в антифранцузском лагере Испания ограничилась обещанием предоставлять полякам финансовую помощь.

10. Оказавшаяся в сложном положении Швеция охотно откликнулась на русское обращение в надежде связать Россию соглашением о союзе общего характера, что, естественно, не могло удовлетворить русское правительство. Большую заинтересованность в России как союзнице проявили Дания и Голландия. Однако эти державы были готовы объединиться с Москвой лишь на базе антишведского союза, что в то время не вписывалось в русскую внешнеполитическую программу.

11. Неудача русских посольств была обусловлена целым рядом причин, главными из которых были: различный подход правительств России и Польши к вопросу формирования антитурецкого союза и полная несовместимость их позиций по украинскому вопросу; разгоревшаяся война в Европе 1672–1673 годов; недооценка рядом европейских правительств сил и возможностей Русского государства; заинтересованность некоторых государств в левантийской торговле.

12. Вместе с тем дипломатическая компания русского правительства имела положительное историческое значение. Россия исполь-

зовала ближайшее ознакомление с международной обстановкой, чтобы скорректировать свою внешнюю политику. Сделала еще один решительный шаг на пути к международному признанию. Приобрела ценный опыт, продолжив совершенствование государственной дипломатической службы. Логическим продолжением московской политики по объединению сил в борьбе с Османской империей стало вступление России в 80-х годах ХУП века в состав "Священной лиги".

Е.В.ЧИСТЯКОВА

К ИЗУЧЕНИЮ СВЯЗЕЙ РУСИ С ЮЖНЫМИ СЛАВЯНАМИ

В ТРУДАХ М.Н.ТИХОМИРОВА

Акад. М.Н.Тихомиров (1893–1969) был одним из зачинателей славистических исследований в СССР. Еще в 20-е годы вышла его первая статья о русско-сербских династических, а следовательно и политических связях. Наиболее значительные труды М.Н.Тихомирова по проблемам славяноведения были им написаны и опубликованы в 40 – начале 60-х гг. М.Н.Тихомиров принял живое участие в создании в 1947 г. Института славяноведения, а спустя десять лет вошел в состав его сотрудников и стал членом редколлегии журнала "Советское славяноведение" .

Работам Михаила Николаевича, публикациям по славяноведению посвящена большая литература учеников и коллег Тихомирова (В.Д. Королюка, А.И.Рогова, Н.Н.Покровского и др.). В настоящем докладе мы бы хотели остановиться на той стороне творческого наследия М.Н.Тихомирова, которая отразила исследование им связей Руси с южнославянскими народами.

Основой для изучения поставленной темы служат разнообразные материалы: сами труды Михаила Николаевича, результаты его археографической деятельности (собрание, описание, публикация источников), его оживленная переписка по этим вопросам с Б.Д.Грековым, В.И.Пичетой, зарубежными славистами, отложившаяся в фондах архива АН СССР .

Одной из проблем, которой ученый посвятил несколько работ, явилось начало славянской письменности и появление первопечатных изданий. Для ее изучения М.Н.Тихомиров привлек лингвистические, документальные, археологические, эпиграфические источники.

Он пристально следил за выходящей литературой в славянских странах, обращал внимание на необходимость поисков эпиграфических памятников в Крыму и на Северном Кавказе.

М.Н.Тихомиров рассмотрел стадии возникновения письменности на Руси: "черты и резы", глаголическое письмо, кириллица. Кирилла и вообще "содусских братьев" он считал наставниками "для словенского народа". По его мнению, "славянский кирилловский алфавит оказал великую помощь славянским народам в их борьбе за национальную независимость" .

Второй магистральной темой исследований М.Н.Тихомирова явилось изучение разнообразных связей Руси с ее славянскими соседями: этно-исторических, политических и, главным образом, культурных. В дореволюционной литературе этот вопрос освещался обычно односторонне: как приток южнославянских влияний на Русь.

Подобные изыскания привели ученого к созданию целого цикла работ на эту тему. Итоговой явилась большая статья М.Н.Тихомирова, опубликованная в 1947 г. в "Славянском сборнике": "Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в.". В ее семи главах на основании скрупулезного изучения русских и зарубежных письменных и иных источников, привлечения огромной литературы автор нарисовал впечатляющую картину глубоких, идущих от древности разносторонних исторических связей Руси с южнославянскими народами. Ученый пришел к твердому выводу об их взаимном обогащении и взаимодействии: "После татарских погромов обнищавшая и разоренная Русская земля нашла опору в славянских странах, так же как с XV в. южные славяне находят помощь в мощном Русском государстве. Эти давние связи основаны на кровной близости языка, культуры, и обычаев южных славян и русских. Они являются ярким примером братской поддержки народов, широкого обмена культурными достижениями, основанного на общности исторических судеб и взаимных интересов" .

Эти строки были опубликованы сорок лет назад. Дружба между нашими народами развивается, обретает новые формы. Тема, поднятая в свое время Михаилом Николаевичем Тихомировым, еще до организации Института славяноведения и открытия в некоторых университетах кафедр истории славян, в настоящее время широко разрабатывается новыми поколениями историков-славистов. Она находит от-

ражение в обобщающих трудах, монографиях, публикациях и статьях ученых не только нашей страны, но и зарубежных.

Тем более важно изучать, помнить и чтить вклад ученых старшего поколения, заложивших основы советского славяноведения.

Л. Е. СЕМЕНОВА

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В ХУП в.

Несмотря на сокращение материальных ресурсов и военного потенциала, Османская империя продолжала в ХУП в. сохранять силы, опосредованно соперничать за преобладание в Юго-Восточной Европе. Здесь ей претивостояла Польша. Международная ситуация в условиях обострившихся внутренних трудностей в империи и войны с Ираном и Венецией заставила султана отложить на какое-то время конфронтацию с Габсбургами. Под влиянием внутренних и внешних трудностей, выявившихся в ходе Тридцатилетней войны, Габсбурги вплоть до 60-х гг. ХУП в. также проявляли осторожность в восточной политике.

Россия до конца ХУП в. не выступала в качестве активной силы в Юго-Восточной Европе. В этих условиях Центральное место в международной жизни региона занимали отношения между Османской империей и Речью Посполитой.

Во второй половине ХУП в. возобновляется конфронтация Габсбургов с Османской империей. Этому способствовала деятельность французской дипломатии, стремящейся отвлечь Габсбургов от политических планов на западе. К антигабсбургскому блоку примыкала и Англия, заинтересованная в обеспечении морских путей на восток.

Габсбурги использовали в борьбе с османами идею борьбы за христианство, за освобождение угнетенных султаном народов. Отсюда стремление балканских стран, в том числе и Дунайских княжеств, опереться в своем освобождении на Габсбургов.

В 1684 г. была создана антиосманская "Священная лига", в которую вошли Австрия, Польша, Венеция. В 1686 г. к ней примкнула Россия. Успешные действия стран лиги против Османской империи были приостановлены нападением французских войск в 1688 г. на Германию. Обострились противоречия между членами лиги. Польша открыто заявляла о претензиях на Дунайские княжества. Габсбурги опасались усиления русского влияния на Балканах.

В 1699 г. в Карловице был заключен мир между Габсбургами и Османской империей. Карловицкий договор не только фиксировал расстановку сил в Юго-Восточной Европе в конце ХУП в. Он знаменовал начало

падения роли Габсбургов в международной жизни региона. С конца ХУП в. Османской империи здесь начинает противостоять Россия.

Л.В.ЗАБОРОВСКИЙ

ШВЕЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКАЯ ИЛИ БАЛТИЙСКАЯ ВЕЛИКАЯ ДЕРЖАВА В ХУП в? (По "верноподданейшему размышлению о польской войне" Ш. Розенхане).

ХУП век, был тем этапом, когда на всем европейском континенте в значительной мере постепенно сформировалась система великих держав и их интересов, в дальнейшем долго определявшая основные направления его жизни во внешнеполитической сфере. В полной мере это относится и к Центральной, Восточной и Северной Европе. Со времени Тридцатилетней войны и вплоть до Полтавы одним из реальных феноменов здесь была проблема шведского великодержавия. Исследователями давно уже выявлено и убедительно показано сформировавшееся ранее как одно из основных направлений внешней политики Швеции, нацеленное на создание комплекса владений на балтийских берегах и превращение Балтики в закрытое "шведское озеро". Остается однако далеко не ясным и весьма спорным, действительно ли это направление оставалось определяющим в шведской внешней политике на протяжении столь длительного периода и при кардинально менявшейся в Европе обстановке.

Конкретный ответ возможен при новом и непредвзятом обращении к источникам о внешней политике Швеции в ХУП в., в т.ч. и давно известным. К их числу относится и интересующий нас сейчас документ от начала первой Северной войны, международного конфликта, формально не принесшего крупных результатов, но фактически (вместе с взаимосвязанными с ним другими войнами 50-х начала 60-х гг. ХУП в.), значительно повлиявшего на дальнейшее развитие Центральной, Восточной, Северной и Юго-Восточной Европы.

"Размышление" члена шведского риксрода Ш. Розенхане (9 сент. 1655 г.) хорошо известно в историографии (издано и проанализировано Г. Виттроком в 1920 г.), но в занимающем нас ракурсе не исследовано. Оно было одним из ответов на письма Карла X ряду шведских деятелей (после капитуляции великопольских воеводств под Уйстьем во время соответствующих переговоров с некоторыми литовскими магнатами) с просьбой о совете по поводу дальнейшей политической линии. В тот момент война казалась шведским руководителям если и не выигранной,

граной, то близкой к тому.

Рассматривая в своем ответе будущую судьбу Речи Посполитой и шведские планы в данной связи, Ш. Розенхане видел две главные вероятные политические возможности: ликвидация ее самостоятельного существования и "выживание". Подробно разбирая первый вариант, который казался ему вполне вероятным с учетом внутреннего и международного положения страны, автор выдвинул и аргументированно разобрал плюсы и минусы для Швеции в случае трех возможностей.

Первая — приобретение шведами всей Речи Посполитой и Карлом X ее престола. Разбор его аргументации показывает, что подобная программа обширной внешнеполитической экспансии была приемлема для шведских феодалов и рассматривалась как приемлемая основа для закрепления великодержавия Швеции и превращения в главную силу в этой части континента, в т.ч. существенного усиления позиций в Германии. Но автор реально усматривал большие внутренние и международные трудности при ее осуществлении и напоминая не слишком счастливый прошлый унийный опыт Швеции, подытоживая писал о сомнительности подобного решения проблемы.

Поэтому рассматривалась вторая — идея посадить на трон Речи Посполитой зависимого от шведов кандидата. Первым кандидатом считался бранденбургский курфюрст, который должен был оплатить это крупными территориальными уступками за счет Речи Посполитой и собственными от Вост. Померании до Литвы, преимущественно на балтийском побережье и вблизи, "вечным союзом" как гарантией шведских приобретений и поддержкой шведских интересов в Германии. Но даже в таком случае курфюрст в перспективе вызывал опасения, поэтому Ш. Розенхане предлагал подыскать более зависимого от Карла X кандидата.

Третья предусматривала раздел Речи Посполитой с соседями при выделении Швеции большей и лучшей части. Наш автор видел тут две главные опасности: в международном плане приближение к владениям Османов и соответственное усиление опасности конфликтов с ними, вовсе нежелательных шведам. Во внутривосточном опасное воздействие примера независимого и экономически сильного польского дворянства на шведское, возможность соглашений между ними и развитие реальных антиабсолютистских тенденций.

Вторая основная политическая эвентуальность рассматриваемая Ш. Розенхане — сохранение независимости Речи Посполитой. Он счи-

тад, что такая перспектива сохраняется как по внутренним, так и по внешним причинам и находил ее вполне приемлемой. Но предусматривались тяжелые для Речи Посполитой условия: уступка не только всего приморья, Лифляндии, но и других территорий и компенсация военных расходов. При их принятии автор писал о желательности польско-шведского союза, чтобы Карл X "как рычащий лев" вместе с польским отрядом двинулся на русских и добился выгодного для союзников урегулирования там. После этого имелось в виду использовать шведскую мощь в иных направлениях, но их конкретизация откладывалась до выяснения обстановки.

В целом видим, что в анализируемых Ш. Розенхане различных внешнеполитических возможностях идея решительного усиления шведских позиций на Балтике, крупных территориальных приобретений там занимает заметное место. Но она явно не является самодовлеющей и даже господствующей. Причина, думается, в создавшихся тогда в этом регионе реалиях: любое такое усиление лимитировалось позицией морских держав и Франции, которые из-за своих экономических интересов ставили ему вполне определенные пределы. Почти во всех вариантах прослеживается и иная альтернативная или совместная цель шведской внешней политики: создание крупного территориального комплекса в Центральной и частью Восточной Европе, лишь опирающегося на Балтику. Очевидно, это был путь, который казался целесообразным шведским феодалам для выхода из патовой ситуации, создавшейся в решении балтийского вопроса.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
Г.Г.Литаврин. Менаандр Протектор об отношении славян с аварами в конце VI в.	4
С.А.Иванов. Роль христианизации в отношениях Византии со славя- нами.	4
Т.М.Калинина. Арабские географы о славянах.	7
Е.А.Мельникова, В.Я.Петрухин. "Ряд" легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии.	9
И.П.Шаскольский. Русь и племена севера Восточной Европы.	11
О.В.Иванова. Восстание 930г. в Болгарии и болгаро-византийские отношения.	13
А.В.Горизонтова. Венгры и полабские славяне в первой трети Xв.	14
Т.Н.Джаксон. Поход ярла Свейна по восточному пути.	16
А.В.Назаренко. Житие Антония Печерского и датировка русско- польского союза при Казимире I и Ярославе Мудром.	19
А.Б.Головко. К вопросу о внешнеполитических доктринах и пред- ставлениях древней Руси (до середины XI в.).	21
А.Л.Хорошкевич. Конные печати Мстислава Мстиславовича Удалого- источник по истории международных отношений Руси начала XIII в.	24
Н.Ф.Котляр. Галицкая летопись о русско-венгерских отношениях в 30-х годах XIII в.	27
Н.И.Щавелева. Русь в донесениях польских путешественников XIIIв.	30
М.М.Фрейденберг. Далмация и Италия в XIII-XV вв.	32
И.Г.Коновалова. Болгария и Золотая Орда в перв. пол. XIV в.	34
Г.П.Мельников. Чешско-польские отношения в XIV в.: от претензий на польский трон к концепции "старшего родственника".	36
Е.П.Наумов. Косовская битва 1389г.: К истории международных отно- шений на Балканах (проблемы источниковедения и историо- графии).	37
Е.Л.Назарова. Ливонско-русские отношения в орденских хрониках XIV в.	39
И.Ф.Макарова. К вопросу об идее славянского единства в надгроб- ном слове митрополиту Киприану Григория Цамблака	42
В.Д.Назаров. Ярлык Менгли-Герая 1472г. Казимиру IV и русско- литовско-ордынско-крымские отношения.	44

Ю.Е.Ивонин.Габсбурги и народы Центральной и Юго-Восточной Европы в XV-XVI в.	47
С.И.Муртузалиев.К вопросу о правовом положении православных христиан в "европейской Турции" XV-XVI в.	48
Г.М.Корваленко.К истории Шведского посольства 1569-1572г .	49
С.Н.Плохий.Конгрегация пропаганды веры и униатские миссионеры на югославянских землях во второй четверти XVII в.	50
Б.Н.Флоря.К истории переговоров о русско-польском антиосманском союзе в середине 40-х гг. XVII в.	52
Ю.А.Мыцык.Дипломатическая документация европейских государств как источник по истории освободительной войны украинского народа 1648-1654 гг.	55
Г.А.Санин.Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII в.	58
И.В.Галактионов.Проблема русско-польского союза в дипломатической практике А.Л.Ордина-Нащокина.	60
Н.Н.Максимов.Идея антиосманского союза в практике русской дипломатии в начале 70-х гг. XVII в.	63
Е.В.Чистякова.К изучению связей Руси с южными славянами в трудах М.Н.Тихомирова.	66
Л.Е.Семенова.Основные тенденции в международных отношениях Юго-Восточной Европы в XVII в.	68
Л.В.Заборовский.Швеция Центральноевропейская или балтийская великая держава?	69

Подписано к печати 07.02.89
 Объем 4,5 п.л. Печать офсетная
 Тираж 290 экз. Зак. 42

Ордена Трудового Красного Знамени
 издательство "Наука"
 Главная редакция восточной литературы
 103051, Москва К-51, Цветной бульвар 21
 3-я типография издательства "Наука"
 107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28